

ДЕВУШКА ИЗ ДОМА НА НАБЕРЕЖНОЙ

ОЛЬГА КЕНТОН

Ольга Кентон

Девушка из дома на набережной

«Издательские решения»

2015

Кентон О.

Девушка из дома на набережной / О. Кентон — «Издательские решения», 2015

Стены дома на набережной хранят в себе сотни историй из прошлого и настоящего, трагических и ярких. «Девушка из дома на набережной» — одна из таких — о судьбе его современной жительницы, чья жизнь тесно связана со знаменитым домом. Это роман о любви, о жизни в современной Москве, где так часто вместо настоящих чувств предпочитают деньги, где счастье не стоит ничего по сравнению с запланированной славой и богатством, где дружба — лицемерие. Это история разных человеческих судеб длиною в год.

© Кентон О., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	38
Глава 7	46
Глава 8	52
Глава 9	61
Глава 10	66
Глава 11	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Девушка из дома на набережной

Ольга Кентон

© Ольга Кентон, 2015

© Наталья Кухаронока, дизайн обложки, 2015

Редактор Марина Проворова

Корректор Марина Проворова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая

Глава 1

Дверь была приоткрыта. Константин Гринёв не решался войти в чужую квартиру. Словно из старинного граммофона, оттуда доносились звуки музыки, перемешанные с людскими головами, звоном тарелок и бокалов.

Костя топтался на месте, вертел в руках CD-диск, подносил палец к звонку, но не нажимал. «Не съест же она меня», – думал он. Достав мобильный телефон и сделав несколько быстрых жестов по светящейся клавиатуре, нашёл нужный номер. Нажал кнопку вызова. Ожидая соединения, вытащил пачку сигарет и зажигалку. Прикуривая, он согнулся так, что его спина стала напоминать горб. И если бы он мог видеть себя со стороны, то понял бы, как смешно и нескладно смотрится его фигура. Но Костя редко замечал свои недостатки, будучи уверенным в собственной привлекательности. И назвать его некрасивым было нельзя – наоборот, Костя отвечал всем требованиям, предъявляемым в современном мире к мужской внешности – высокий, широкоплечий, с прекрасно сложенным телом и яркими чертами лица. Но все внешние достоинства меркли на фоне непонятно откуда появлявшейся неуклюжести, словно Костя сам не знал, что делать с собственными ногами, длинными руками, высоким ростом. Вместо них окружающие чаще видели молодого юношу, не способного нормально держаться, ломающегося.

Вместо гудков из телефона послышалась песня «Number One» Димы Билана. Костя тут же стал пританцовывать на месте. Музыка закончилась, поселив надежду на ответ. Костя прислушался – сработал автоответчик.

Константин отошёл от двери, присел на бетонную ступень лестницы, мгновенно ощутив холод, проступивший через тонкую ткань джинсов. Он закурил новую сигарету, выпустив колечки дыма вверх, и посмотрел на выкрашенные зеленоватой краской стены. Отвлекая самого себя от главного, Костя начал размышлять о том, где находится. «Вот если не знать, что это за дом, и не скажешь, что есть здесь что-то особенное, – думал Костя. – Консьержка такая же, как везде, – толстая и злобная, не хотела впускать, пока не отчеканил ей, фамилию, имя и отчество, к кому явился, по какой причине. Вроде бы двадцать первый век уже, а советский стиль общения всё равно остаётся. А подъезд... Ведь ничего особенно в нём нет – ну лифт с решёткой, так его, наверное, несколько раз уже меняли. Да уж...» Пробежавшись по коридорам наспех изученного в школе исторического прошлого, Костя вернулся в действительность – к собственным проблемам, которые, если посмотреть со стороны, были не проблемами вовсе. Нужно было всего лишь завести диск, поболтать о чём-нибудь нейтральном и вежливо удалиться, создав о себе приятное, без каких-либо лишних домыслов, впечатление. Но, как только Костя задумывался именно об этом, он наткнулся на кучу собственных «но». Костя был не уверен, сможет ли использовать своё обаяние в незнакомой обстановке, тем более ещё и перед женщиной. Поразмышляв какое-то время, он решил уйти: «Зачем?.. Зачем мне всё это, если она даже не берёт трубку? Вот он, знак: меня никто не ждёт, не встречает. Дине совершенно плевать на меня. Как сказал Фиолет, это было её очередное постельное обещание. Пойду-ка я отсюда, пока меня никто не видел».

Прозвучав новомодной мелодией, на телефон пришло сообщение: «Ты где?» Покусывая кожу вокруг ногтей, Костя раздумывал, что ответить. Сказать, что за дверью? Не хватало только, чтобы Дина, как строгий школьный учитель, вышла и привела его за руку. Это будет смешно и нелепо. Написать, что уже тут и просто стесняется зайти? А может, отписаться, что заболел и не смог приехать? Нет, это тоже не годится. Второго такого шанса не будет. «Да

и кто тебе сказал, Гринёв, – Костя разговаривал сам с собой, – что после этого у тебя что-то получится? Зайдешь, поздороваяешься, отдашь диск и уйдешь. А там уже пусть сами решают». Написав «Скоро буду», Костя нажал кнопку «отправить». Потом выкурил ещё пару сигарет, поднялся и отряхнул брюки.

Открыв большую железную дверь, он, всё так же сутулясь, вошёл в затемнённый коридор. Огляделся вокруг. В кухне, расположенной слева от входной двери, заметил расставленные тарелки с закусками, бокалы с вином, вазочки с фруктами. Он шёл по коридору, рассматривая тканый ковер под ногами, африканские маски на стенах, огромные железные фонари, подвешенные к потолку. На секунду он остановился возле приоткрытой двери, видимо, ведущей в спальню, но заглянуть туда не решился из-за боязни быть застигнутым врасплох. И Костя устремился в дальнюю комнату.

Когда он вошёл туда – смутился. Здесь было слишком много людей, и никого из них он не знал. Костя быстро прикурил сигарету – нервное напряжение отступило. И он стал разглядывать незнакомые лица. Так же разглядывали его, но без особенного любопытства. Однако в толпе незнакомых людей Дины не было видно.

Посреди комнаты стоял большой квадратный стол чёрного цвета с тарелками с канapé, бутербродами, роллами, фруктами, орешками и всевозможными пирожными. Возле одной из стен Костя заметил стеллаж с книгами. Подойдя ближе, он окинул взглядом корешки: книги по искусству и архитектуре, кинобизнесу и юриспруденции, музыкальные и литературные энциклопедии, различные справочники и художественная литература на русском, английском и итальянском языках. Возле противоположной стены стоял чёрный буфет, над ним зеркало в массивной раме. На столешнице буфета стояли бокалы с коктейлями. Костя схватил первый попавшийся и, сделав несколько жадных глотков, сообразил, что это какой-то коктейль с шампанским – вкус был приятный, немного сладковатый, с оттенком бренди или коньяка, в которых Костя разбирался плохо. Он опустошил бокал и взял ещё один.

Заметив справа просторную гостиную, где ярким пятном выделялся ярко-красный кожаный диван, Костя направился туда. Народа здесь было меньше, но Дину он по-прежнему не видел.

Костя присел на подоконник. На балконе, дверь которого была открыта настежь, стояли две женщины и о чём-то беседовали. Костя осмотрелся и, почувствовав, что коктейль уже начал действовать, ещё больше расслабился. Он стал рассматривать фотографии в тяжёлых рамках на высокой тумбочке, журналы, лежащие на кофейном столике рядом с диваном, вблизи казавшимся огромным лежбищем. На большинстве фотографий была изображена женщина. Красивая женщина. Таких он ещё не встречал в своей недолгой, но уже насыщенной амурными похождениями жизни.

С бокалом в руке Костя вышел на узкий, с потёртыми железными перилами балкон, разительно отличавшийся от внутреннего убранства квартиры. Заметив Костю, женщины замолчали и уставились на него. Он тактично поклонился им, улыбнулся, немного смутился – и снова закурил. Рассматривая незнакомок, Костя отметил, что они старше его, но не намного. Его опыт ещё не позволял с лёгкостью определять пусть даже приблизительный возраст женщин. Рассматривая одежду женщин, он понял, что это явно не студентки. Как бы хорошо ни одевались его подруги-однокурсницы, всегда у них был либо явный перебор, либо недобор.

Костя посматривал на женщин, и всё ему в них нравилось. Одна, невысокая миниатюрная блондинка, была в лёгком голубом жакете в полоску и белых брюках. А в другой он узнал ту самую женщину с фотографий – и в жизни она показалась ему ещё интереснее, загадочнее, приятнее, чем на фото. Во всей её фигуре и взгляде было что-то грациозное, что-то, что заставляет обратить на себя внимание. Её простое чёрное, отделанное по талии кружевом платье и тонкая, длинная нить белого жемчуга на шее казались самым красивым и элегантным

из того, что он видел на женщинах. Длинные, каштаново-золотистые густые локоны обрамляли её лицо.

От растерянности Костя продолжал улыбаться. Шатенка в ответ одарила его добрым мягким взглядом и чуть заметной улыбкой. Этот намёк словно приглашал к разговору, но в мыслях Кости всё смешалось, и он не знал, что сказать, чувствуя своё глупое и безвыходное положение.

– Красивый вид, – наконец-то выдавил он, кивнув в сторону храма Христа Спасителя, расположенного в такой близости к дому, что казалось, протяни руку – и можно дотронуться до его куполов. По тёмно-зелёной реке медленно плыл речной трамвайчик, откуда доносились звуки современной российской поп-музыки. – Тепло... – пробормотал он только для того, чтобы хоть что-то сказать, чувствуя смущение и явный интерес женщин к своей персоне.

– Да, – улыбнулась шатенка. – Уже сентябрь.

– Хотя такое ощущение, что лето ещё не закончилось, – продолжил Костя.

Блондинка что-то тихо шепнула на ухо подруге и вышла с балкона. Костя машинально посмотрел вслед удалившейся женщине, услышал её голос, видимо, отвечающий по телефону: «Здравствуй, я ждала твоего звонка». И тут же повернулся к своей новой собеседнице и заметил, что она заинтересована им, хоть и старается делать вид, что это не так. Изумрудного цвета глаза оживлённо блестели. Рядом с этой женщиной Костя испытывал странное чувство удовольствия, а вместе с тем боязни. А женщина между тем с любопытством рассматривала его.

– Вкусный коктейль? – спросила она.

– Очень, – улыбнувшись, ответил Костя, радуясь, что женщина, видимо, чувствует себя рядом с ним свободно и готова пообщаться.

– Любимый коктейль хозяйки, – добавила она. Женщина оперлась о перила балкона, перекинув руку с бокалом вина через край. Казалось, достаточно лёгкого дуновения ветра – и бокал выпадет из её рук и полетит вниз, сквозь растущие возле дома высокие тополя и берёзы.

– А хозяйка – это вы? – слегка смущаясь, спросил Костя.

Женщина прищурилась. Яркие солнечные лучи осветили купола храма и Москву-реку, которая тут же словно вспыхнула, и на воде заиграли золотистые переливающиеся блики. Солнце светило обоим в глаза, отчего Костя жмурился, а его новая знакомая достала из какого-то потайного кармана платья очки в форме кошачьих глаз в массивной оправе. Надев их, она поправила волосы и отпила вина.

Тут Костя снова смутился. Ему стало неудобно. Он не знал, что теперь сказать: женщина либо не расслышала его вопроса, либо её это чем-то обидело. Он снова попытался улыбнуться, но улыбка не вышла, а женщина сделала вид, что не заметила этой неловкости. «Видимо, не хозяйка», – подумал Костя и, решив сменить тему разговора, заговорил о доме.

– Здесь красиво. Я первый раз в этом доме. – Костя устремил на женщину взгляд, полный интереса и желания понравиться. Очень долго он потом вспоминал этот свой по-детски наивный взгляд, на который женщина не обратила, как ему казалось, внимания. А восприняла скорее как должное.

– Вас кто-то пригласил?

– Да, одна знакомая. Точнее, – поспешил добавить Костя, – знакомая моей мамы, Дина.

– А чем вы занимаетесь?

– Я актёр, – с уверенностью сказал Костя.

– А, вот ты где, Костя, – послышался голос Дины.

И всё оборвалось. Всё, что было нового и зарождающегося в этом общении, теперь рухнуло. И Костя больше не чувствовал той искры, которая, как показалось, замелькала между ними несколько минут назад.

Костя обернулся и увидел Дину – как всегда, в облегающей кофте, демонстрирующей большую грудь, похожую на воздушные шары. При движении грудь колыхалась, создавая ощу-

щение всеобщей качки. Дина вошла на балкон и остановилась, глядя на штенку, с которой Костя разговаривал.

– Как? – удивилась она. – Вы уже познакомились? Это же должна быть моя работа.

– Так это тот Костя, о котором ты мне говорила? – спросила женщина, разглядывая Костю, как ему представилось, теперь совсем другим – критичным взглядом.

– Да, он самый. – Дина улыбнулась.

Костя почувствовал, как краска подступила к лицу. Он тут же отпил из бокала, но поперхнулся и закашлялся. Дина слегка ударила его по спине: «Ты в порядке?» Костя встряхнул головой, поправил свои соломенного цвета волосы и улыбнулся: «Да, в полном». А потом, посмотрев на Динину знакомую, протянул ей руку и точно так же, как недавно отчеканивал консьержке внизу свои фамилию и имя, произнес: «Константин Гринёв. Рад знакомству!»

– Лара, – усмехнувшись, ответила женщина и пожала ему руку.

– А по отчеству? – ляпнул Костя.

– Просто Лара. Давайте пройдем в мой кабинет, там поговорим. – А Дине шепнула: «Такой испуганный».

Костя почувствовал в её голосе повелительные нотки.

Прошли в кабинет. Там стоял массивный деревянный стол с лампой под зелёным абажуром, создавая вокруг антураж сталинской эпохи. Костя огляделся: «Вот теперь похоже на правду. Может, за этим столом сидел сам Берия. Сейчас поговорит со мной пять минут, а потом позвонит куда надо – и на Лубянку!» – пронеслось у Кости в мыслях.

– Присаживайтесь! – Лара указала Косте и Дине на два кожаных кресла напротив стола.

– Спасибо, – ответил Костя немного развязно, чтобы придать голосу уверенности, которой не было. Он вспомнил, что только сегодня утром сидел в кафе с друзьями, чувствуя себя сибаритом, наслаждался жизнью, а сейчас вдруг оробел и не знал, что делать.

Он плюхнулся в кресло, положил диск на стол, достал пачку сигарет и закурил. Выпуская дым вверх, украдкой поглядывал на Лару. Что-то в этой женщине его сразу поразило. Нет, не её ухоженность и элегантность, не этот вид успешной бизнесвумен, а что-то другое. Как будто за всей этой нарочитой деловитостью скрывалось ещё что-то, что невозможно увидеть на поверхности, как будто она запрятала где-то в глубине себя настоящую и показывает людям только то, что они хотят видеть, и живёт так, как она должна жить, но, может быть, не хочет.

И тут, словно в подтверждение своих мыслей, Костя услышал голос Лары.

– Ну что, дорогой, откуда ты взялся, такая звезда? – с сарказмом поинтересовалась она. Ей явно хотелось подшутить над этим мальчиком, который ещё ничего в жизни не видел, но наверняка считает, что его ждёт блестящее будущее.

Слово «дорогой» представилось ему закладкой в Ларином ежедневнике, таким кодовым словом для обозначения мужчин. Кто они, эти «дорогие»? Костя подумал, что «дорогим» для этой женщины может быть кто угодно, лишь бы мужского пола, начиная с того, кто приносит ей по утрам газеты, заканчивая любовником. А может, у неё даже не один любовник, и всех она называет «дорогими», чтобы не утруждать себя запоминанием имён.

– Как Костя уже сказал, он сын моей хорошей знакомой, – заговорила Дина, видя смущение молодого человека. Немного полными, унизанными кольцами пальцами она вытащила из пачки тоненькую сигарету с ментолом и, заметив, что Костя протянул ей зажигалку, наклонилась к нему. Костя снова взглянул на её грудь, кожу с ровным золотистым загаром. Дина поправила длинные, выющиеся на кончиках чёрные волосы, выпустила дым изо рта, откинулась в кресле. – Очень талантливый.

– Да ты что? В какой области?

– Я... всем занимаюсь, – пробормотал Костя и снова покраснел. Он чувствовал себя смущённым, особенно от того, что понимал: сейчас он находится на чужой территории. И решение

Лары зависит не от его диска, не от Дины, а от него самого. От того, сможет ли он произвести благоприятное впечатление на хозяйку.

– Не обращай на неё внимания, она всегда такая, – сказала Дина своему подопечному.

– Чем ты сейчас занимаешься? – спросила Лара.

Но снова за Костю ответила Дина:

– Он и актёр, и музыкант, подрабатывает диджеем в клубах. Одним словом, творческая личность. Сейчас в поиске.

– Кого? Своего «Я» или спонсора?

– Думаю, и того и другого. Скорее второго – сейчас это более актуально, иначе Костя сюда не пришёл бы. Гораздо легче, как мне кажется, найти своё «Я», когда у тебя есть деньги. Ты же знаешь: сначала слава, потом деньги, а потом уже своё «Я».

– Бред какой, Дина. Ты сама понимаешь, какое может быть «Я» после славы и денег? Оно будет находиться в таком дерьме, что его уже не откопаешь. Зачем это ему нужно? Ты думаешь, он сможет устоять?

– А мне больше интересно, – вызывающе-вопросительно произнес Костя, – почему вы говорите обо мне в третьем лице, как будто меня не существует? Ему не понравился тот приторно-сладкий подхалимский тон Дины, которым она разговаривала с Ларой, – он чувствовал во всём этом оттенок пренебрежения.

– Есть Константин Гринёв – студент, сын, друг, – спокойно ответила Лара, привыкшая к эмоциям юных дарований. – Но, простите, в моей актёрской базе данных о вас нет. – Женщина усмехнулась. – Конечно же, это не конец света.

– Ну знаете... мне... всё это... – Костю сильно задело только что услышанное «вы» вместо «ты». Он резко встал, готовый уйти. «Что за унижение? Как она может со мной так говорить?» – подумал он, забыв, что ещё несколько минут назад он, стоя на балконе, спокойно разговаривал с Ларой на «вы», не чувствуя в этом никакого презрения.

– Сядь! – резко приказала Дина. – Сядь. И молчи.

Костя покорно сел, достал сигарету и закурил, глядя в пол.

– Сколько вам лет? – спокойно продолжила Лара, и Костя заметил едва видимую добрую улыбку на её лице.

– Девятнадцать, – ответил он, подняв голову, и провел рукой по волосам.

– Прекрасно. Значит, контракт сможете сами подписать.

– Ну что, возьмёшься за него? – спросила Дина. – Ты понимаешь, я обещала его маме, что поговорю с тобой. Конечно, я объяснила, что никто золотых гор сразу не предложит, но не может же он вернуться домой ни с чем.

Костя наострил слух. Ему совершенно не хотелось работать с этой Ларой – она казалась ему высокомерной феминисткой, ненавидящей мужчин. От первого чарующего милого впечатления, которое она произвела на него на балконе, не осталась и следа. Если бы она была хоть немного снисходительна, хоть немного понимала бы, как ему сейчас трудно, она не стала бы сейчас с ним так разговаривать. Она поняла бы, как ему страшно и некомфортно, как ему ужасно хочется начать сниматься в кино, стать известным, чтоб его оценили по заслугам, а не ругали, не критиковали. Его мысли прервал ответ Лары.

– Подумаю. – Лара взглянула на диск, лежащий на столе, дотянулась до него и взяла. – Я могу его себе оставить?

– Да, конечно.

Лара посмотрела на обложку диска с фотографиями Кости. А молодой человек очень красив, отметила она про себя. И даже если из него не выйдет настоящего актёра, то с такой внешностью он вполне мог бы сделать карьеру в рекламе.

– Что здесь? – спросила Лара.

– Запись моего выступления в институте в прошлом году, мы делали этюды.

– А вы, кстати, в каком институте учиться? – Лара открыла один из своих ежедневников, что-то там записала и вопросительно взглянула на Костю.

Костя замялся.

– Вообще-то я учился в «Щуке», но перевёлся.

– Почему?

– Гм... – Костя смотрел то на Лару, то на раскрытый ежедневник, то на Дину, которая умолкла, предоставив Ларе общаться с Костей. – Так получилось... У меня были проблемы с преподавателями, – соврал он.

Лара удивлённо приподняла бровь.

– Что значит, проблемы с преподавателями? Какой-то конфликт или непонимание?

– Ничего серьёзного. – Костя закурил. – Я перевёлся в Славянский институт, завтра занятия начнутся. Но в следующем году планирую восстановиться в «Щуке».

– А зачем так прыгать по учебным заведениям? Надо определиться.

– Ну понятно, что «Щука» мой дом родной, у меня там друзья. Мы до сих пор общаемся.

– Друзья – это хорошо, но при чём тут они? Образование для вас сейчас важнее. А чем занимаются ваши родители?

– Мама – искусствовед, работает в галерее современного искусства. А отец – музыкант.

– Интересно. Вы, что называется, из творческой семьи.

– Да, мой дедушка был актёром, он уже умер. Работал в Театре Вахтангова.

– Прекрасно. Только зачем же тогда вам моё агентство? Вы, наверное, и без меня не пропадёте? У вас талант должен быть на генном уровне. – Лара улыбнулась, но Костя посчитал это очередной насмешкой.

– Хочу всего добиться сам.

– Но ваша мама попросила Дину со мной поговорить.

– Ну да... – Костя замялся. – Так немного проще. Ведь в ваш продюсерский центр так просто не попадёшь – несколько кастингов нужно пройти.

– Надо. – Лара посмотрела на этого мальчика. Он ей понравился – то застенчивый, то уверенный, ещё ничего не знающий. Он боится сказать лишнее слово, не хочет показаться глупым. Что-то было в нём интересное. – Читайте, что вы его наполовину прошли. Я посмотрю диск, и давайте встретимся в конце недели, в эту пятницу, седьмого числа. Вечером где-нибудь в центре. Вот копия контракта. – Лара протянула несколько скреплённых листков, на каждом в верхнем углу стояло название её продюсерского центра – «Lara Modern Cinema Production». – Почитайте пока до пятницы. Чтобы, если я решу подписать, вы уже знали, о чём идёт речь.

– Я подпишу не думая, – воодушевлённо сказал Костя, рассчитывая тем самым вселить в Лару уверенность в нём.

– Зато я буду думать, Костя, – строго сказала Лара. – Просто так я никого не беру, даже по чьей-то просьбе. Я работаю с крупными компаниями, и не только в России, но и за рубежом. Поэтому требования очень жёсткие. Пятнадцать процентов любого гонорара будет отчисляться в продюсерский центр, за это мы обязуемся продвигать вас во всевозможные кино- и рекламные проекты, вовлекать в различные шоу на телевидении, в журналы. Одно из самых главных условий: вы не имеете права искать что-либо самостоятельно, заключать контракты от своего имени с другими продюсерскими компаниями и любые не выгодные моему центру сделки. Ваше поведение должно быть таким, чтобы не пятнало репутацию моего центра. И так далее. Все условия, штрафы, неустойки, причины, по которым центр может перепродать контракт, расторгнуть его, – всё это изложено здесь. Так что читайте внимательно, хорошо?

– Хорошо, – согласился Костя, но почувствовал себя разочарованным.

– То, что вы так сильно хотите работать, – Лара решила его похвалить, – приятно слышать. Но одного желания мало. Актёрская профессия – тяжёлый труд. А сейчас, когда снимают

фильм, это труд целой команды. Поэтому, если кто-то в команде делает что-то неправильно, это отражается на всём коллективе. В том числе и на мне.

– Я понял. – Костя залпом выпил остатки коктейля.

– Вот и отлично. Я позвоню в четверг и сообщу, где мы встретимся. – Лара встала, открыла дверь кабинета. – А сейчас, если хотите, присоединяйтесь к нам. У меня небольшая вечеринка.

– Спасибо большое, я тороплюсь, – смущённо ответил Костя, желая побыстрее уйти. Несмотря на расположенность Лары, он чувствовал себя здесь неловко.

Идя по набережной Москвы-реки, Костя вернулся в своё привычное мечтательное состояние, представляя, что через несколько дней его жизнь изменится: он подпишет контракт с Ларой, и всё пойдёт по-другому. «У меня будет работа, деньги, я прославлюсь! – раздавалось в его голове. – Знаменитый актёр Константин Гринёв... Московский кинофестиваль, Канн... „Оскар“... Спасибо моей маме, спасибо Ларе, которая открыла мой талант...» – Всё это кружило голову, хотя никто не гарантировал, что приз Московского или Каннского кинофестиваля ему обеспечен.

Глава 2

Несмотря на перевод в другой институт и клятвенные обещания родителям взяться за ум и не прогуливать, Костя не стремился их выполнять. Вместо того, чтобы ехать в «Славянку», предпочитал обивать углы старого вуза на правах завсегдатая. «Ещё успею», – говорил он себе, уверенный, что в любом случае, как бы ни повернулась жизнь, всё будет отлично. В свои девятнадцать Константин по-прежнему зависел от родителей, но иногда находил это вполне удобным и выгодным. Он наслаждался сибаритством, понимая, что многие в его возрасте уже вынуждены зарабатывать себе на жизнь, а он, молодой и красивый, делает только то, что хочет. Поэтому, появившись пару раз на занятиях, Костя решил, что для начала этого достаточно, и отправился встречаться с друзьями на Старый Арбат.

Костя остался в приятельских отношениях со всеми, кого знал, но близкими друзьями, с которыми он обычно проводил время, были Даниил Абрамов и Фиолет (такое прозвище носил Денис Фиолетов). Даниил был сыном преуспевающего бизнесмена, жил на Рублёвке и приезжал в институт на машине из отцовского гаража, меняя «мерседес» на «бентли» или «порше» и так далее. Студентки не только первого, но и последнего курса смотрели на него, пуская слюни. Многие пытались познакомиться с ним, на что Даниил, обожающий женское внимание, шёл охотно. Он же был главным «кошельком» в их компании, а Костя – «обаятельной мордашкой», с которым друзья проходили любой фейс-контроль. И если в Данииле ещё было какое-то обаяние довольного жизнью молодого мужчины, то Денис на фоне друзей смотрелся куда печальнее: худой, с выпирающими костями, ярко-рыжими волосами и кожей, сплошь усыпанной веснушками, он напоминал измученного узника концлагеря. Его бледная, почти прозрачная кожа всегда вызывала недоумение у тех, кто его не знал: «Вы что, больны?» За эту аристократическую бледность, равнодушное отношение к жизни и из-за фамилии друзья его прозвали Фиолетом.

Денис, видимо, рано осознав, что мягкость – это не про него, удивлял своей философией, порой жестокой. В их троице он был заводилой и скоморохом, злым шутком. О нём шла слава прямолинейного и не отличающегося большим тактом наглеца.

Весь прошлый год, пока Костя учился в «Щуке», их троица была неразлучна. Хотя это сочетание и нельзя было назвать идеальным, тем не менее они удачно дополняли друг друга. А самое главное – у них был общий интерес – жить ярко, напоказ. Каждый из них, раздумывая о самом себе, видел свою какую-то уникальность, не задумываясь о том, что вокруг, в каждом институте страны, есть такие же интересные мальчики и девочки. Как в басне Крылова кукушка хвалила петуха, эта троица поочерёдно раздавала друг другу комплименты. И каждый из них делал это так искренно, с такой уверенностью, что волей-неволей сам уверовал в своё совершенство. Оставалось сделать так, чтобы в это поверили окружающие.

При поступлении в «Славянку» Костя самому себе внушил, что там будет легко – нужно всего лишь перекантоваться годик, а потом он со спокойной душой вернётся в «Щуку». Всё в новом институте раздражало его: преподаватели, удалённость от центра, бездарные, на его взгляд, студенты. Оказавшись новичком в группе, он быстро приобрёл там популярность. Если в «Щуке» интерес студенток к Косте был вызван только его внешностью, то здесь Костя заметно выделялся на фоне провинциальной молодёжи. Тут редкий студент мог похвастаться знакомствами со знаменитостями или тем, что снялся в фильме, будучи трёхлетним ребёнком, или что папа профессиональный музыкант, а мама работает в известной художественной галерее. Если в «Щуке» деньги, выдаваемые матерью, были смехотворной мелочью, то в «Славянке» Костя был похож на олигарха. И всё это казалось ему забавной игрой – примерить на себя новый образ, став ненадолго Даниилом Абрамовым. Костя путал реальную жизнь со сценической, словно режиссёр, наблюдал за собой со стороны и наслаждался собственной игрой.

В реальности же работа Кости была воспринята его новым окружением весьма холодно. И не потому, что он был новичок и хвастун, а просто потому, что в самой работе ничего выдающегося не было. Большинство местных студентов понимало, что хоть они и не учатся в лучшем театральном вузе столицы, но для них это реальный шанс, поэтому старались показать себя на сцене выгодным образом. А у Кости этого не было: его красивая внешность и тело словно переставали работать, он выглядел неуклюжим, не знал, что делать с руками, заметно стеснялся высокого роста и сутулился, не мог сосредоточить взгляд ни на одном предмете.

В чём-то, конечно, был виден его талант. Во время дневного капустника, когда студенты должны были по одному выходить на сцену и представлять произвольный этюд, Костя показал тот, с которым поступал в «Щуку»: небольшой эпизод, рассказывающий о страдании влюблённого поэта. Это был красивый длинный монолог, полный страсти, отчаяния и мольбы о взаимности. Можно было подумать, что Костя не разыгрывает сценку, а действительно просит некую даму быть к нему благосклонной. Он с таким отчаянием опускался на колени, с такой болью смотрел в зал, что девушки из его же группы, сидящие в первых рядах, не сводили с него взглядов, и каждая представляла себя на месте этой невидимой дамы. Но в целом к этому таланту Костя должен был приложить профессиональные навыки, которые из-за частых пропусков отсутствовали.

Собственных же ошибок Костя не замечал. Его самоуверенность была наивной, подкрепляемой только слепой верой матери в его способности. Костя мечтал поскорее начать сниматься в кино, рассчитывая, что и одной его внешности достаточно, чтобы режиссёры начали предлагать ему роли в фильмах. Но этого не происходило. Режиссёры и продюсеры не занимались поисками молодых талантов, предпочитая, чтобы эти молодые таланты сами находили их. Костя же пересматривал своё портфолио почти каждый день, представляя, как несёт его на «Мосфильм», но пока он туда так и не доехал, постоянно находя какие-то причины. После года учёбы, большая часть которого была проведена с друзьями за кофе, чаем и распитием более крепких напитков в близлежащих к институту кофейнях и барах, он до сих пор не осознал, что является для него главным. Но в эту встречу Костя точно знал: ему есть чем удивить друзей.

Войдя в кафе, он плюхнулся в кресло, небрежно взял меню со стола, просмотрел его и, заказав большое ванильное латте, пробурчал в сторону Даниила: «Бабла нету».

– О чём ты говоришь! – ответил тот. – Забей!

– Но скоро будут... – многозначительно добавил Костя, вздернув подбородок, и с довольной улыбкой посмотрел на друзей.

– Родителей, что ли, разводишь? – спросил Фиолет, закуривая.

– Не-а, будет работа.

– Куда ты пойдёшь? – продолжал Фиолет.

– Короче, пацаны, я вчера был на встрече с... – Костя сделал паузу, глядя на друзей, и ударил меню по столу: – С Ларой Рубик!

«Ба...» – словно послышалось Косте. Желаемый эффект был достигнут. Даниил и Фиолет уставились на друга, пытаясь сообразить: а как?

– Да ты что? – удивился Даниил. – Мой отец её знает. Ну как знает... Где-то на каких-то тусовках пересекались. Что-то с ней мутить пытался, но она его отшила.

– Твоего отца? Она чё, дура? – прокомментировал Фиолет. – У него же столько «зелени».

– Не надо так грубо, – засмеялся Костя. – Она тоже не бедная тетя.

– Тётя-мотя, – пробормотал Фиолет. – Сколько ей? Пятьдесят, что ли?

– Не знаю. На вид лет двадцать пять, – ответил Костя.

– Нет, по-моему, она постарше, – сказал Даниил. – Около тридцати.

– А чё она делала? Рожу твою разглядывала? – поинтересовался Фиолет.

– Да нет, пообщались. Она взяла мой диск посмотреть, в эту пятницу встречаемся снова.

- И чё будет?
- Не знаю. Может, контракт подпишем, – самодовольно ответил Костя.
- А как ты на неё вышел?
- Через Дину, – слащаво улыбнулся Костя.
- Подруга твоей мамы? – спросил Даниил, любивший уточнения.
- Она самая, – ответил Костя, отпив кофе.
- Ну, выходит, не зря старался. – Фиолет хлопнул Костю по плечу. – Два в одном.
- Это вы о чём? – недоуменно спросил Даниил.
- Ну ты что, забыл? – рассмеялся Фиолет. – Совращён наш Костя, бедный мальчик, но в то же время Дина сделала, что сказала.
- Всегда любил женщин старше, – согласился Абрамов. – Они слов на ветер не бросают.
- Зато с них жир течёт, – продолжал хохотать Фиолет. – Тебя Дина не раздавила? Она ведь такая корова.
- Как видишь, живой. Дышу, – успокоил его Костя.
- Вижу. Небось, бедный, еле выеба... – Фиолет сделал вид, что запнулся – Я хотел сказать, выбрался.
- Да ладно тебе, дурак. – Косте стало неприятно. – Не такая она толстая.
- Ага, одна грудь, небось... – Фиолет изобразил руками грудь Дины, навалившись на Костю. – Ах... ах...
- Дебил, на нас все смотрят, – не скрывая раздражения, буркнул Костя.
- Я роль репетирую, – громко сказал Денис, манерно встал, дотронулся ладонью до лба, будто проверяя, нет ли у него температуры. – Это роль такая, товарищи... Представляете, зададут же бедному студенту.
- Сядь. – Даниил потянул Фиолета за руку. – Тебя, кошея, она точно раздавила бы. – Абрамов обратился к Косте, возвращаясь к началу разговора: – Ну, что ты ещё про Лару можешь рассказать? Где живёт?
- Какой ты практичный. В доме на набережной. Ничего квартирка – комнат пять, наверное. Вид хороший.
- Везёт тебе, – вздохнул Даниил. – Ольга Георгиевна не то что мой отец. Я столько раз просил его пробить что-нибудь для меня у Лары, но он ни в какую – не хочет тратить на меня свои деньги.
- Да у твоего папаши столько бабла! Ему чё, жалко? – возмутился Денис.
- Не жалко, но ты же знаешь, он здесь за меня платит. Правда, мало верит в мои способности, считает, что я зря теряю время. Поэтому я не рыпаюсь. Но все эти сериалы мне не нужны, я сам чего-нибудь добьюсь.
- С твоими-то деньгами конечно, – согласился Фиолет.
- Ты считаешь, что я ни на что не способен? – Даниила задело такое лёгкое оправдание предполагаемого успеха. Его всегда коробило, когда любую его задумку, по мнению друзей, можно было легко решить благодаря влиянию отца. Становилось противно, но в то же время окончательно отказаться от помощи отца он не мог, понимая, что тогда придётся распрощаться с той стороной жизни, которую он так любит.
- Ты же сам только что сказал, что за тебя папаша платит.
- Я конкурсы все прошёл, срезался только на экзаменах. Какой ещё вариант был у меня? Либо ждать до следующего года, либо поступить на коммерческое отделение.
- Раздался звук мобильного телефона Кости: пришло смс.
- Кто это? – спросил Фиолет.
- Юля. Спрашивает, где мы. Хочет подойти, перед тем как ехать в общагу.
- На хаяву хочет поесть? – возмутился Фиолет. – Слушай, ты сколько с ней ещё будешь нянчиться? Что, девочка всё целочка?

– Отстань, не сыпь соль на рану... Короче, что ей ответить? Я не в напряге, если она придёт, но, Дань, у меня действительно бабла нет.

– Не парься по этому поводу. Пусть приходит, я люблю красивых девушек.

– Эй, поосторожнее! Ты что, у меня девушку отбить собираешься? – полушутя спросил Костя, отправляя Юле смс с сообщением, где они находятся.

– А чё, он бы её и передел, и кучу ещё чего мог бы сделать, – сказал Фиолет.

– Фиолет, ты достал уже с этим. Ну да, не носит она «Гуччи и Версаче», как вы с Даней, но не бомж же она.

– Живёт-то где... и сама – уральская провинция.

– Да отвали. Не ты с ней встречаешься, а я. Она мне нравится. Сейчас меня такой вариант устраивает.

– А-а... – протянул Фиолет. – Я уж думал, ты жениться на ней собрался. Ну давай-давай, тяни свою лямку. А мы вот собрались сегодня клубиться. Хотели тебя пригласить, но ты же занятой.

– Дела пойдут, я вас, пацаны, обязательно в клуб приглашу. Какой сейчас самый крутой? «Дягилев»? Вот туда и пойдём.

– Ты хоть раз там был? – спросил Фиолет.

– Нет, но всё когда-нибудь бывает.

– Я был, – вмешался Даниил. – Девочки там, конечно, супер, но большинство просто откровенные проститутки, чуть ли не у каждой в глазах написано: «Сколько у тебя денег, столько и дам...» Я там за ночь оставил, наверное, две или три тысячи.

– Но это нормально, – заметил Костя.

– Дурак, не рублей, а долларов.

– Долларов? Охренеть. Ну ничего, заработаю и на клуб.

– Ну давай-давай. А Юлю свою тоже туда возмёшь – она фейс-контроль не пройдёт, – сказал Фиолет, заметив, что в кафе вошла Юля.

– Не знаю, – сказал Костя. – Вообще-то вряд ли. Зачем она мне там нужна? – И он рассмеялся.

В это время подошла Юля.

– Привет, ребята, – сказала она, улыбаясь, и поцеловала Костю, который удивлённо смотрел на неё.

– Козел, – прошептал Костя Фиолету.

– Знаю.

Косте не понравился Юлин наряд: она была в чёрном сарафане на тонких бретельках, под которым виднелась тёмно-бирюзового цвета футболка, и чёрных леггинсах, а на ногах – недорогие туфли-балетки, напоминающие детские чешки для танцев. Волосы Юли были собраны в тугую пучок, заколотый невидимыми шпильками, а на лоб надвинута повязка наподобие той, что носят женщины на занятиях по аэробике. В руках Юля держала простую холщёвую сумку, видимо, сшитую вручную из разноцветных лоскутков. Костя тут же застеснялся и пожалел, что Юля пришла.

– Кто тебе не нужен? – спросил Юля. – О чём вы говорили?

– Мы? Да так...

– Как «Славянка»? – спросила Юля. Присев рядом с Костей, она прижалась к нему, как будто ей было холодно.

– А, – отмахнулся Костя. – Болото. Вы же понимаете, где «Щука», а где «Славянка». Там такой отстой.

– А девочки как там? – поинтересовался Фиолет.

– Не обратил внимания. – Костя ответил так только потому, что рядом сидела Юля. На самом деле уже в первый день он успел обзавестись несколькими новыми телефонными

номерами, перекочевавшими в отдельную папку его мобильного телефона под названием «Красавицы».

– Зато знаешь, с кем он познакомился на днях? – Улыбаясь и не обращая внимания на Костю, который, поняв, к чему клонит приятель, попытался изобразить губами «молчи», произнёс Фиолет: – С Ларой Рубик!

Костя со злостью посмотрел на Фиолета. «Мудак», – прочитал по губам Кости Фиолет и расплылся в довольной улыбке. Косте не понравилось, что друг рассказал об этом, но не столько из-за того, что тот украл у него его же козырь, а потому, что Костя и вовсе не собирался посвящать Юлю в эту сторону его жизни, о чём, кажется, Фиолет давно догадывался.

– А кто такая Лара? – Юля погрузилась в одно мгновение. Она хоть и не знала, кто это, но поняла, что это какая-то важная персона, раз о ней говорит Фиолет.

Денис от души засмеялся, а у Кости вышел сдвленный неловкий смешок.

– Ты что, действительно не знаешь, кто такая Лара Рубик? – удивился Даниил.

– Она одна из самых известных в Москве продюсеров, – тут же подключился к разговору Денис, и на Юлю с той и с другой стороны посыпались всевозможные похвалы в адрес Лары.

– У неё свой продюсерский центр «Lara Modern Cinema Production», – вторил Даниил.

– У них куча проектов: фильмы, сериалы, реклама, реалити-шоу, – добавил Костя, загордившись и почти забыв, что сердится на друга. – Смотрела сериал «Не забывай меня»?

– Да, смотрела, – робко согласилась Юля. – Красивая история любви, мне понравилось.

– Так это они снимали, – с гордостью произнёс Костя, словно сам сыграл в нём главную роль.

– Ой, как я рада за тебя, Костя! – И Юля поцеловала его.

– Он теперь у тебя будет звезда, Юля, – сказал Фиолет. – Смотри в оба. Куча поклонниц – уведут ведь.

– Не шути так, Денис, – обиделась Юля.

– Не слушай его, малышка, никто меня не уведёт, – сказал Костя, подразумевая, что Юля никаких прав на него не имеет.

Юля, конечно, была рада услышать это от Кости и ещё крепче его поцеловала.

– Одними поцелуями не удержишь, – не успокаивался Фиолет.

Юля смутилась, не зная, что ответить. Потом встала и ушла в туалет.

– Прекрати, debil! – сказал Костя. – Она теперь там стоит и плачет.

– Я же тебе как другу помогаю. Она тебя за нос водит. Поцелуйчики, прогулки – и больше ничего. Противно! – Фиолет принял свою обычную «философскую» позу: положил ногу на ногу, сгорбился и подпёр ладонью подбородок. – Или тебя это устраивает?

– Конечно, не устраивает. Но не насильно же заставлять!

– Вот я и подкинул ей пару мыслей насчёт поклонниц. Она теперь подумает, и всё быстрее пойдёт.

– О'кей. Вот она. Я же говорил, что плакала. Хватит, ладно?

– Ладно, – согласился Фиолет.

– Юля, садись сюда. Что ты будешь есть? – спросил Даня.

– Даня, спасибо, ничего не буду. Я только хотела Костю увидеть.

– Такая красивая девушка за столом – и не угостить её. Ты меня обижаешь. Давай заказывай что хочешь, – протягивая меню, распорядился Даниил.

– Не нужно, спасибо.

– Ладно тебе, – прошептал Костя Юле на ухо. – Что ты ломаешься, он же угощает.

Даниил позвал официантку и сделал новый заказ – для Юли, не забыв включить туда и десерт.

– Даниил, я столько не съем.

– Съешь, тебе можно. У тебя такая фигура, – восхищённо сказал тот.

Юля покраснела. Фигура у неё была действительно хорошая, хотя Юля к этому никаких усилий не прилагала. Сказывалась постоянная нехватка денег, из-за чего иногда приходилось месяцами жить только на хлебе с домашним вареньем да чае с сахаром. Деньги, которые изредка присылала мама, Юля откладывала, тратя только самую малую часть. Остальное же она бережно копила, сама не зная, на что, но на что-то особенное.

Она любила иногда прогуляться по московским магазинам, любуясь красивой одеждой в витринах. Иногда, набравшись смелости, она просила продавца дать ей примерить туфли или платье. Будучи талантливой девушкой, Юля всегда робела в реальной жизни. Ей казалось, что таким, как она, непозволительно даже заикаться о том, чтобы примерить ту или иную вещь. Когда подружки, большинство которых также не имели больших денежных средств, звали её прогуляться по магазинам, Юля чаще всего отказывалась. А если и шла, то старалась стоять где-то в сторонке, пока те наслаждались примеркой нарядов. Она считала, поступать так некрасиво. Если ты знаешь, что никогда не купишь понравившуюся вещь – и не потому, что она может не подойти по размеру или не сочетаться с другой одеждой из гардероба, а потому, что у тебя просто нет на это денег, – незачем и примерять. Но всё-таки иногда, тайком от подруг, она заглядывала в эти магазины и мечтала, как однажды наденет какое-нибудь красивое платье, туфли, от неё будет исходить аромат дорогих духов, и она пойдёт в какой-нибудь ресторан вместе с Костей.

О том, что эти мечты в ближайшем будущем не сбудутся, Юля знала, но несколько не расстраивалась. Она была готова много и долго работать. Для неё было важно достичь сначала какой-то определённой ступени – окончить институт, а уже потом продолжать реализовывать себя дальше. Ей, в отличие от Кости, хотелось не всего и сразу, а постепенно. Так, чтобы можно было насладиться этими студенческими годами, своими девичьими мечтами, потом, возможно, понять, что многое из этого не сбудется, но ей непременно хотелось сохранить эту наивность, чтобы потом вспоминать об этом как о чём-то, чего уже не вернёшь. Чтобы счастье приходило постепенно, маленькими шажками, а не обрушивалось одной большой волной, потом замирало на долгое время и не показывалось на горизонте, как солнце в пасмурный день. Юле хотелось накапливать счастье медленно и бережно хранить его, словно в розовой коробке, перевязанной шёлковой лентой. Так она это делала в реальной жизни: хранила под кроватью в старой картонке из-под обуви свои школьные и институтские фотографии, обёртки от конфет, которыми её угощал Костя, билеты в кино и засушенные, с облетевшими листьями, ромашки.

– Юленька, привыкай к комплиментам, – подбодрил Юлю Даня, видя, что она смущена. Но как ему нравилось это искреннее смущение. – Ты же будущая звезда. Я уверен, поклонников у тебя будет ещё больше, чем у Кости. Это он должен переживать, чтобы не увел такую девушку, как ты.

– Костя может быть уверен: никто никуда меня не уведёт.

– Повезло тебе с девушкой, Костя, – сказал Даниил. – Если бы меня так кто-то любил, я был бы очень рад.

– Я знаю, – безразлично произнёс Костя. Он был равнодушен к тому, что Даниил оказывает Юле такое внимание, подозревая, что тот влюблён в неё. Даниил не торопился в проявлении своих чувств, довольствуясь дружбой. В Юле он впервые увидел искреннюю добрую девушку, каких в Москве до этого ещё не встречал. Она была не из тех, кого можно заманить деньгами или дорогими подарками. Он влюбился в Юлю, когда начались занятия, но Юля видела в Данииле только друга, не более, а в конце учебного года начала встречаться с Костей. Даниила это очень расстроило, и не из-за того, что выбрали не его, а потому, что он понимал: когда-нибудь Костя оставит её и сделает ей этим очень больно. Он знал обо всех увлечениях Кости, знал о его неверности и понимал, что, если Юля об этом узнает, для неё это будет шоком. Надеялся только на одно: что в этот момент обязательно окажется рядом и предложит ей свою

поддержку и помощь. И, может быть, потом, спустя много времени, он сможет рассчитывать на взаимные чувства. В какой-то степени он был таким же романтиком, как и Юля, и мог бы стать героем её мечтаний, но она выбрала Гринёва.

Глава 3

С Юлей Костя познакомился ещё на вступительных экзаменах в «Щуку» в 2006 году, а встречаться начал следующим летом. Костя относился к их отношениям довольно поверхностно: Юля была милой провинциальной девочкой, приехавшей покорять Москву. Она была красива ещё той юной, ничем не испорченной красотой, которая обычно привлекает молодых людей. Костя знал, что Юля сильно в него влюблена, ему это очень льстило. Но вот его мама, узнав, что Юля не из Москвы и семья у неё очень простая, как-то мимоходом, но достаточно строго сказала Косте: «Смотри, не приведи в дом. Мне такая невестка не нужна. И вообще будь осторожен с ней. Может, тебе только кажется, что она тебя любит – ты жених выгодный, квартирный вопрос в Москве остаётся по-прежнему актуальным». Костя, конечно, вступился за Юлю, но как-то вяло и нерешительно. Он сказал, что она ещё молодая и у неё сейчас главное – это учёба и карьера.

– Как будто карьера когда-то мешала думать о хорошей жизни. Особенно когда под боком вот такая живая добыча, как ты, сынок.

Костя рассмеялся:

– Мама, ну она не так меркантильна, как ты думаешь.

– Дорогой, я хорошо знаю людей, больше тебя прожила. Мне достаточно было три минуты посмотреть на твою Юлю, как я всё поняла. И я тебе говорю сразу: её никогда не приму.

– Мам, да не собираюсь я на ней жениться. Мы просто встречаемся.

– Смотри, чтобы от этих встреч остались только приятные воспоминания, а не незаконнорождённые дети.

– Мама, ну ты это уже слишком. Я же не дурак.

– Вот и она не дура.

На самом-то деле этот вопрос уже давно мучил Костю. Почти четыре месяца они встречались с Юлей, но дальше поцелуев дело не заходило. Косте хотелось большего, но Юля просила его не торопиться. Не то чтобы она не была уверена в чувствах Кости – наоборот, скорее она была слишком в них уверена, вообразив себе что-то такое возвышенное, чего и не было. Но неопытность и страх останавливали её. Хотя подруги по институту уверяли, что на это нужно непременно решиться, иначе она Костю потеряет. Юля же убеждала всех, что их чувства гораздо сильнее, над чем многие тайком смеялись.

Юля действительно любила Костю. Она была из тех немногих девушек, которые, прочтя когда-то в юности Тургенева, Пушкина, Лермонтова и другие произведения русской классической литературы, сразу же представляли себя в роли главных героинь с их иногда несчастными судьбами, но при этом таких самоотверженных, готовых идти на всё ради своих любимых, оставлять богатые семьи, жить в бедности. Юля часто мечтала, что однажды встретит именно такого молодого человека и полюбит его настоящей, чистой и искренней любовью. И этим человеком стал Костя.

Она боготворила его: во всём он ей казался идеальным, красивым, умным, талантливым. Она восхищалась им, каждой его фразой, удивлялась, почему именно она ему понравилась, – ведь Юля вовсе не считала себя какой-то особенной, красавицей. А когда Костя уехал вместе с отцом на гастроли в соседний город и не предупредил об этом Юлю, она подумала, что он её бросил. Позвонив на домашний телефон, узнала от Ольги Георгиевны, мамы Кости, что тот вернётся только через неделю.

Юля прорыдала все выходные. Подруги в общежитии, конечно, жалели её, но и были рады, потому что завидовали её близким отношениям с Костей. Она писала ему длинные смс, даже звонила, но ответа не было. Юля стала выдумывать дальнейший ход событий. Что только

не лезло в голову! Сначала ей хотелось устроить Косте скандал, но она понимала, что на скандал не способна. Потом она думала, что лучше кинуться ему в ноги и умолять, чтобы он не бросал, а если уж разлюбил, то разрешил быть хотя бы другом. Потом представляла, как они расстаются, а она продолжает любить его всю жизнь, но выходит замуж за другого и становится известной актрисой. И вот тогда Костя обращает на неё внимание, умоляет быть с ним, говорит о своей любви, но она отвечает, что хоть и любит по-прежнему его, но принадлежит другому. Или, наоборот, бросает всё и уезжает вместе с ним.

В итоге всё оказалось гораздо проще. Костя вернулся, позвонил и сказал, что забыл дома телефон. Но предложил Юле встретиться и погулять вместе. Он жил на Кутузовском проспекте, поэтому с выбором места для прогулки долго не раздумывал: Поклонная гора всегда была идеальным местом для свиданий.

Костя пришёл с цветами и коробкой конфет. Юля явно этого не ожидала. Она была невероятно счастлива. И сразу же забыла обо всём. Был последний месяц лета – в воздухе чувствовался запах приближающейся осени, но было безветренно и тепло. Они гуляли по площади, иногда садясь на лавочки возле фонтанов, потом пошли в обратную сторону, по Кутузовскому проспекту, вдоль витрин дорогих магазинов. Костя много говорил об одежде, дорогих марках и так далее.

– Знаешь, когда мы с тобой будем богатые... – Костя обратил внимание, как произнесённое им «мы» подействовало на Юлю: её взгляд стал мечтательным, и она улыбнулась так, как улыбаются лишь дети и женщины, зная, что скоро получат обещанный подарок. Он подумал, что такой лёгкой, почти невинной ложью обеспечил себе приятное времяпрепровождение в будущем. Да и не ложь это вовсе – кто не мечтает, будучи влюблённым? – Я обязательно буду носить только дорогую одежду, ездить на хороших машинах.

– А какие хорошие? – спросила Юля. – Я не знаю.

– Ты правда не знаешь? – Костя поразился её немодности. Вообще-то он уже давно заметил, что Юля одевается просто. Ничего особенного, только чистенько и аккуратно. Ему, конечно, всегда хотелось, чтобы его девушка одевалась очень красиво, постоянно появлялась в новых нарядах, но при этом он понимал, что с такой девушкой ему пришлось бы быть другим. Да и где взять деньги? Одной прогулкой по парку и мороженым вряд ли добьёшься больших результатов. – У меня есть несколько дорогих вещей, родители купили.

– Да... А вот мои родители с трудом находят деньги, чтобы высылать мне каждый месяц, так что приходится довольствоваться тем, что есть. Я вообще подумываю работать пойти.

– А куда?

– Может быть, официанткой. Ведь я ничего не умею.

– Что? – возмутился Костя. – Чтобы моя девушка была официанткой?

– Костя, ты не переживай, я же не буду ни с кем кокетничать или ещё что-то. Это просто работа.

Но Костя переживал не об этом, а о том, как скажет об этом маме, и так недовольной его выбором. Ольга Георгиевна была чересчур заботливой матерью, сын казался ей во всём идеальным, поэтому она позволяла себе делать преждевременные выводы обо всех знакомых Кости, в том числе и о девушках. Ей, как и многим матерям, казалось, что любая девушка должна быть счастлива с её сыном, что он самый лучший и красивый, умный и талантливый. А того, что Костя самый настоящий самовлюблённый эгоист, она просто не замечала.

– А может, я и не буду официанткой, Костя. – Юля пыталась его успокоить. – Если ты не хочешь, я не буду – ты только скажи мне.

– Не хочу, – в строгом приказном тоне сказал Костя.

Юля замолчала. Чтобы как-то разрядить обстановку, она решила ещё раз поблагодарить его за цветы.

– Какие цветы красивые Костя. Спасибо тебе большое.

– Не за что... Я вообще нечасто дарю девушкам цветы.

– Правда? – с каким-то воодушевлением произнесла Юля, приняв эти слова за самый настоящий комплимент или даже признание в любви.

– Да. Зайти ко мне хочешь? Мои родители уехали к друзьям на дачу.

Юля смутилась.

– Костя, – тихо сказала она, – я не знаю... А если они вернуться?

– Никто не вернётся. Они приедут только в воскресенье вечером. Сегодня у папиного друга день рождения. Они точно там останутся ночевать.

– Ну да... но вдруг...

– Слушай, не хочешь – не надо, я же не заставляю. Могли бы просто поужинать, фильм посмотреть, я тебе дам послушать записи отца.

Юле было ужасно любопытно, к тому же она проголодалась, так что в итоге она согласилась.

Квартира, где жил Костя, поразила её. Она, конечно, догадывалась, что родители Кости богатые люди, но такого себе не представляла: полы, выложенные мраморной плиткой, колонны, огромная кухня, ванна с джакузи – всё это казалось ей чем-то из сказки. А Костя, показывая квартиру, замечал, как с каждой комнатой Юля поражается всему больше и больше.

Они прошли в столовую, соединённую с кухней, где уже был накрыт стол на двоих и горели свечи в высоких подсвечниках, которые Костя зажёл, уловив момент.

– Костя, что это?

– Наш ужин. Нравится? – Он видел, что Юля поражена.

– Это же просто восхитительно. – Юля обняла его и поцеловала. – Мы совсем как взрослые.

– А мы и есть взрослые. Тебе сколько лет?

– Восемнадцать.

– Ну ты на год всего лишь младше меня. Мне двадцать в следующем году будет.

– Да, я помню, у тебя день рождения в марте, пятого числа.

– Точно. Разве я говорил?

– Да, ещё когда мы только познакомились. Я сразу же запомнила.

– Мне приятно.

– И мне...

– Чем же?

– Тем, что ты есть на этой земле. Что я с тобой познакомилась. Костя, я так люблю тебя.

Костя обнял Юлю и посмотрел на неё. Всё в ней показалось ему таким милым, таким наивным и прекрасным, что он испытал к ней чувство, сравнимое с жалостью и трепетом. Ему захотелось вот так и стоять с ней обнявшись и больше ничего не делать. Все его мысли куда-то улетучились, осталась только она – Юля, такая ещё юная, красивая и влюблённая в него.

– А ты меня любишь? – Юля посмотрела на него. В её глазах стояли слёзы. – Ты любишь меня, Костя?

– Что ты, малышка, не плачь. Конечно, я тебя люблю. Моя маленькая.

Он поцеловал её.

– Давай ужинать.

– Давай. Ты сам всё приготовил?

– Нет, мама. Она любит готовить, оставила мне на два дня столько еды, что одному точно не съесть.

– И ты решил позвать меня.

– Ты угадала. – Костя засмеялся.

Потом он открыл бутылку шампанского. В их квартире всегда было много алкоголя, поэтому пропажу одной бутылки никто не заметит, решил Костя. Не то что бы ему не разре-

шалось пить – просто не хотелось говорить родителям, что он пригласил Юлю. Мама знает, что просто так шампанское сын пить не станет. Обычно Костя любил выпить пива или уж водки.

Раздался звонок телефона.

– Чш-ш, – прошептал Костя. – Это наверняка родители.

Юля затаила дыхание. Это, конечно, была Ольга Георгиевна. Костя быстро поговорил с мамой, сказав, что уже поужинал и собирается смотреть какой-нибудь фильм.

– Ну как? Всё нормально? – спросила Юля.

– Конечно. Она просто позвонила проверить, как я. Ничего не подозревает, не волнуйся.

Костя взял бокалы с шампанским, один подал Юле.

– Я бы хотел выпить за нас, за то, что мы познакомились, за этот чудесный вечер.

– За тебя, Костя.

После ужина Костя предложил посмотреть фильм у него в комнате. Они устроились на диване. Юле было уютно и хорошо. Она ощущала себя как в волшебной сказке: красивая квартира, ужин при свечах, шампанское. Такое было первый раз в её жизни.

– Мне так хорошо, – сказала девушка.

– Да? – Костя посмотрел на неё. Потом поцеловал, и его рука медленно скользнула под Юлину кофту. Он гладил её тело, едва касаясь груди, потом так же легко коснулся её бедер, провёл рукой по животу. Юля как будто была в забытьи, но быстро совладала с собой, услышав, как он начал расстегивать ремень на своих джинсах.

– Костя, подожди...

– Что? – Ему явно хотелось продолжения.

– Не надо...

– Почему? Разве ты меня не любишь? Ты же сама сказала.

– Люблю, но Костя... давай подождём.

– Чего ждать, Юль? Родители не придут, мы можем всю ночь провести вместе. Зачем тебе в общежитие возвращаться? Чужая кровать, соседки... А тут можем открыть ещё одно шампанское, принять ванну. В холодильнике мороженое и фрукты.

– Я не об этом, Костенька. Всё так прекрасно, спасибо тебе большое. – Юля поджала под себя ноги. Казалось, она не разговаривает с Костей, а умоляет его больше ничего не делать. – Я тебя очень-очень люблю, у меня такого вечера ещё никогда не было. Понимаешь, у меня... – Юля заговорила медленнее, – никогда не было...

– Юля, а то я не понял, – развязно, как показалось Юле, сказал Костя. – И что? Когда-то же надо. Чем не подходящий момент?

– Ну зачем ты так. – Юля почувствовала злость в его голосе. – Костя, я... пойми меня, пожалуйста. Я пока, наверное, не готова к этому. Наши отношения только летом начались.

– А ты хочешь, чтобы я весь год, что ли, ждал?

– Ну не год... но и не сейчас. – Что-то Юле не нравилось в его словах. Ей казалось, что он должен легко это понять, но он не понимал.

– Хорошо, но смотри – так времени может много пройти, а ты же знаешь: я не железный.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего. – Костя встал с дивана. Застегнул ремень и вернулся на кухню.

Там открыл всё-таки вторую бутылку шампанского. Выпил бокал залпом. Юля пришла через минуту, обняла его.

– Спасибо тебе, что понял.

– Да ладно... Я же не изверг, насиловать тебя не стану. Но ты и меня пойми – ты так меня заводишь.

– Я понимаю, но давай подождём немного. Я хочу быть к этому готова.

– Хорошо, но не долго.

– Обещаю.

Проводив Юлю домой, Костя вернулся в квартиру, по пути заглянув к соседке этажом ниже. Ей было около двадцати пяти лет, у неё был маленький ребёнок, а муж – шофёр-дальнобойщик, что объясняло его частое отсутствие дома.

Рассказав подружкам о своём необыкновенном вечере и услышав, что она дура, раз ему отказала, Юля пыталась найти себе оправдание. Она провела всю ночь в слезах, коря себя за глупость и думая, что Костя с ней вскоре расстанется. Но в то же время она понимала, что в чём-то права. Ведь он должен понимать, что это непростое решение, для этого нужно время и уверенность в человеке. Конечно, она его любит и хочет быть с ним, но страх и неопытность мешают ей. Юля не стремилась, конечно, добиться от Кости предложения руки и сердца, но ей все-таки хотелось понять всю серьёзность его намерений.

К её удивлению, ничего не изменилось: Костя был по-прежнему такой же внимательный, иногда немного холодный, но в целом его чувства казались Юле настоящими. Он не заговаривал о том, что произошло в тот вечер, и не настаивал больше ни на чём. Юля сочла это хорошим знаком. А свои потребности Костя легко удовлетворял то у соседки, то у Дины, то у тех девушек, которых встречал в гостях у Абрамова или Фиолета. Всё это он находил лишь забавной игрой, сам до конца не мог определить, что же его больше привлекает в отношениях – секс или любовь. С Юлей ему было интересно, легко, но постепенно её детская влюблённость, абсолютная очарованность им стали ему надоедать. Наверное, многим в его возрасте отношения длиною в несколько месяцев кажутся огромным сроком. Костя решил, что лучшее – это плыть по течению.

Между тем Юля познакомилась с Костиной мамой, но не специально по приглашению, а случайно. В конце августа студенты, которые не уехали на каникулы или уже вернулись в Москву, всю репетировали этюды, готовясь к ежегодному капустнику в Доме актёра. Костя уговорил маму поехать вместе с ним, посмотреть. Уж очень хотелось ему познакомить её с Юлей. Ольга Георгиевна нехотя согласилась, подумав: «Хорошо, и через это пройду, если нужно». Она всё ещё не могла забыть, что приложенные в прошлом году усилия по устройству Костю в «Щуку» не оправдались. И понимала, что придётся быть любезной с теми, кто отчислил её сына. Но и ей было любопытно взглянуть на Юлю: «Посмотрю, что это за девица».

Только приехала она не к началу представления, а к концу, свалив задержку на отца, которого пришлось ждать с репетиции. Это, конечно, огорчило Костю, а особенно Юлю, желающую понравиться его родителям.

– Здравствуй, Костенька. – Ольга Георгиевна поцеловала сына в щёку, потом протянула руку и стала стирать след помады, которого и не было. Всем этим Ольге Георгиевне хотелось показать: это мой мальчик, мой сын, никому его не отдам, тем более этой паршивой девчонке. Ольга Георгиевна решила, что сын влюбился в Юлю, а та не даёт ему проходу. «Сына отобрать у меня захотела? Не тут-то было».

– Мама, познакомься, это Юля, – сказал Костя, повернувшись к Юле, стоявшей позади него. Девушка тут же сделала шаг вперёд, протягивая руку Ольге Георгиевне, и улыбнулась.

– А, Юленька, очень приятно. – Ольга Георгиевна снисходительно улыбнулась, едва коснувшись ладони девушки.

– Мне тоже, Ольга Георгиевна. Костя мне много говорил о вас и Сергее Константиновиче. Я всегда хотела познакомиться с вами. Мне Костя даже ваши фотографии показывал.

– Когда это ты мои фотографии показывал, Костя?

Тут Юля поняла, что сболтнула лишнего, потому что Костя показывал ей фотографии родителей у себя дома, о чём родители не знали.

– Давно, ещё на первом курсе, приносил свой школьный альбом, – выкрутился Костя.

– Ну хорошо, сынок. – Ольга Георгиевна погладила сына по голове. – Юля, а твои родители не приехали?

- Нет, они не смогли. Им некогда, да и билеты дорогие.
- Да, недешёвые. А ты где жила раньше? Где-то на севере?
- Я же говорил, мама, – вмешался Костя. – На Урале, в Перми.
- Да, что-то я не помню, чтоб ты мне рассказывал.

Костя знал, что мама не просто помнит, но даже знает, кто родители Юли – она специально выясняла эту информацию. О результатах своих изысканий она Косте не сообщила, но после этого сын не раз слышал, что эта девочка никогда не будет с ним, что она этого не допустит. И сейчас Костя понимал, что этим мать просто хочет унижить Юлю, и что-то ему было в этом неприятно.

– Сейчас мой дом – Москва. – Услышав эти слова, Ольга Георгиевна удивилась, оценивающе взглянула на Юлю, как будто спрашивая: «И ты это серьёзно, девочка?», но промолчала. – Мне тут так нравится, как будто я всю жизнь жила здесь. И институт я свой люблю, и вообще.

– Замечательно. – Ольга Георгиевна взяла паузу, улыбнулась еще раз Юле. – Ну поздравляю тебя с новым учебным годом.

– Спасибо большое! – Юля воодушевилась. – Вам понравилось представление?

Но Ольга Георгиевна сделала вид, что не расслышала вопроса, и тут же спросила Костю:

– Во сколько тебя сегодня домой ждать, сынок? – Она снова повернулась к Юле спиной.

– Буду не поздно, мама, обещаю. Я Юлю провожу домой и приеду.

– Конечно. Пойду. – Ольга Георгиевна ещё раз поцеловала Костю. – Найду твоего отца.

Он уже с кем-то разговаривает – наверное, встретил кого-то из знакомых.

– Пока, мам!

– До свидания, Ольга Георгиевна, – сказала Юля. Но та уже отошла и не обернулась, сделав вид, что не слышала этих слов.

– Какая у тебя красивая мама!

Такое восхищение мамой Косте понравилось. А вот о Юле он получил не особенно приятный отзыв.

Глава 4

Вечер пятницы. Лара припарковала машину возле нового, неделю назад открывшегося ресторана. Она вышла из машины, взяла с собой ноутбук, папку с документами и небольшую дамскую сумочку на тонкой золотистой цепочке. Дверь открыл высокий безликий охранник, каких можно встретить чуть ли не в каждом более-менее дорогом ресторане или клубе Москвы. Охранник сделал вид, что сейчас Лара проходит фейс-контроль по его десятибалльной системе, – до чего на самом-то деле ей не было никакого дела. А фейс-контрольщику и охраннику в одном лице – ещё меньше. Просто ему когда-то объяснили, что нужно сделать тупое и непробивное выражение лица и за пять секунд суметь отличить, кто перед тобой – мужчина или женщина, а затем попытаться угадать, сколько у человека денег. Если денег хватало, то пропускать, нет – вежливо говорить, что свободных мест нет и в ближайшие несколько часов не предвидится. В случае глобальных проблем – звать администратора. Лара, по мнению охранника, была явно похожа на обеспеченную женщину, поэтому он всего лишь церемонно сказал: «Проходите, пожалуйста».

Лара вошла в полутёмный зал, где было много народа. Она сразу же привлекла внимание сидевшей недалеко от входа компании мужчин, что, впрочем, не стало для неё неожиданностью. Во-первых, потому, что всегда и везде, где бы ни появлялась Лара, она сразу же ловила на себе самые разные мужские взгляды – от полного восхищения и поклонения до презираще-высокомерного. Во-вторых, потому что оценка новой персоны, вошедшей в ресторан, клуб или бар, является неотъемлемой частью развлечений современной публики. Это новая, а может быть, уже и старая московская традиция. Не сказать ничего в адрес нового вошедшего просто неприлично и прощается только в случае очень оживлённой беседы между сидящими за столиками людьми.

Встречи друзей в московских кафе, ресторанах, барах – обычное дело. А если с реальным общением проблемы, то помогает Интернет, где можно проводить сутки, не нарушая чужого пространства. Поэтому друзья, как правило, знают друг о друге всё. Обычно такие встречи начинаются с очень бурного, ничего не значащего приветствия: «А вот и он/она. Круто выглядишь. Где такие штанишки отхватил? Я что-то похожее видел в ЦУМе. Да, точно, ещё Маринка себе привезла такие же из Милана – класс, супер. Что ты говоришь? Она и для тебя такие привезла? Вот стерва, а мне сказала, что купила последнюю пару...» И всё это проносится мимо ушей того, к кому обращены подобные высказывания. На самом деле подобная фраза заменяет банальное «привет», что уже стало как-то немодно произносить – да и зачем, когда понятно, что твой «привет» никому не нужен, а стоит сразу же перейти к фактам: где, что купил, куда ездил, с кем спишь, встречаешься, кто на ком женился, с кем развёлся, родил детей и т. д. Разговоры ни о чём и обо всем и всех. Потом всё, что не было обсуждено раньше, обсуждается снова. А если беседа умирает, остаётся только одно: скучное и в то же время приятное занятие – обсуждать незнакомых людей вокруг.

К Ларе подошёл менеджер, которому она сообщила, что ещё неделю назад заказывала у них VIP-комнату для деловых переговоров. Менеджер очень долго извинялся, объясняя, что сейчас комната занята, и предложил подождать в баре. Лара внимательно его выслушала, сказав, что если из-за него у неё сорвется сделка, то их ресторану просто не существовать после этого. Менеджера это нисколько не удивило, и дополнительных извинений в адрес Лары не прибавилось. Видимо, такое он слышал уже не раз, несмотря на «новорождённый» возраст ресторана.

Она прошла в бар, где заказала кофе и минеральную воду. До встречи оставалось ещё полчаса. Лара достала небольшой ноутбук, включила его и, дождавшись, когда загрузится ком-

пьютер, начала быстро щёлкать с одной папки на другую, отыскивая нужные файлы. Лара решила просмотреть недавно присланную заявку на фильм. Внезапно её чтение было прервано.

– Неужели в пятницу вечером нужно думать о работе? – произнёс, присаживаясь на соседний стул, высокий брюнет.

Захлопнув экран ноутбука, Лара повернула голову в сторону говорившего. Мужчина показался ей очень симпатичным, но самоуверенным. Несмотря на начавшуюся осень, он был одет достаточно легко – в чёрные брюки свободного кроя и такого же цвета трикотажный пуловер с V-образным вырезом.

– А неужели, видя, что человек читает документ, нужно его прерывать пустыми вопросами?

– А может, это вы только для вида? – улыбнулся мужчина, придвигаясь ближе. – Пришли сюда с кем-нибудь познакомиться, а просто так сидеть не хочется – вот и взяли с собой ноутбук для отвода глаз.

– Мужчина, у вас всё в порядке?

– Абсолютно.

– Заметно.

– Может, тебя угостить?

После этой фразы Лара решила, что красавчик уже изрядно накачался и нужно от него как-то избавиться.

Избавление пришло в виде менеджера, который, снова извиняясь, сообщил, что VIP-комната освобождена.

– VIP-комната! – громко произнёс незнакомец. – Это ты для кого сняла её? Для нас?

– Избавьте меня, пожалуйста, от этого субъекта. У вас в ресторане бокал вина стоит минимум тридцать долларов – тогда почему я должна терпеть приставания какого-то алкоголика, будто в дешёвой пивной? Или за порядком и комфортом посетителей следить не принято?

– Какой я алкоголик, дамочка? – услышала вслед Лара, направившись в отдельный кабинет.

Через какое-то время в дверях показался Костя в сопровождении менеджера, не верящего, что этот молодой человек попал по адресу. Лара недовольно посмотрела на менеджера – тот немедленно удалился.

– Здравствуй... те, – смущаясь, произнёс Костя.

Лара оглядела Костю, отметив про себя его небрежный вид. Костя был в потёртых джинсах, том же свитере и кедах, в каких он появился у неё дома на прошлой неделе.

– Здравствуй, – сказала Лара. – Присаживайся.

Принесли меню. Константин начал его листать, то и дело останавливая взгляд на ценах. Хоть родители и были состоятельными людьми, но Костю с собой брали редко, и присутствовал он в основном на торжественных мероприятиях, а в дорогих московских ресторанах не бывал, хоть и любил приврать об этом друзьям.

– Неплохое местечко, – сказал он.

– Не ври! – отрезала Лара, глядя ему в глаза, но сказала она это не зло, а с лёгкой усмешкой. – Тебе здесь не нравится.

Костя посмотрел на Лару, снова уловив в её взгляде ту загадочность, которую он заметил, общаясь с ней на балконе. Но от того, что она поймала его на такой невинной лжи, стало неловко. Может быть, он это сказал просто так, самому себе, чтобы почувствовать, что здесь не так уж плохо и совсем не пугают эти цены, эти вышколенные официанты, эта публика. А тут его оборвали всего лишь одной прямолинейной фразой: не надо врать. И кто оборвал? Женщина, глядя на которую он чувствует мурашки по коже, и всё, о чём он сейчас думает, так это о том, чтобы поскорее отсюда свалить, чтобы эта Лара ни на что не согласилась и сказала, что

он, безусловно, талантлив, но она им заниматься не будет. Костя стал смотреть в меню, потому что выдержать прямого взгляда женщины не мог. Но Лару это только веселило.

– Что-нибудь выбрал? – спросила она, заметив, что Костя положил меню на стол.

Костя дотронулся до меню, но потом снова отодвинул его.

– Я вообще-то не голодный.

– Костя, – насмешливо прошептала Лара, – это деловой ужин. И за него плачу я.

Косте стало не по себе, как будто в этой фразе прозвучал какой-то намёк.

Лара заказала бутылку новозеландского «Pinot Noir», для Кости – фуа-гра и запечённое мясо индейки с овощами в качестве основного блюда. А для себя – карпаччо из говядины и спагетти с морепродуктами.

Как только официант вышел, Лара закурила.

– Я посмотрела диск. – Она говорила медленно, словно обдумывая каждое слово. – По этому этюду можно сказать, что ты был бы удачен в романтических ролях.

Костя кивнул.

– Читал стихи ты тоже хорошо, очень выразительно. – Лара улыбнулась, видя, что Костя явно напряжён. – Но я считаю, что тебе ещё нужно много работать. Ты же понимаешь, что поступление в театральный институт не гарантия того, что тебя будут приглашать сниматься в фильмах, предлагать роли в спектаклях.

«Нет?!» – захотелось выкрикнуть Косте.

– Но! – Лара отпила из бокала вина. – Важен твой старт. В моём продюсерском центре мы четко отслеживаем любые контракты, которые предлагают нашим клиентам. Я работаю по западной схеме.

– Не понимаю, – удивился Костя.

– Ставлю планку выше. – Лара порадовалась самой себе. – В Америке, если ты начинающая звезда и снимешься в рекламе, например, стирального порошка, ты на всю жизнь и остаешься с этим клише. Никто не будет продвигать тебя дальше твоего кухонно-бытового образа. Могут отказать даже в рекламе шампуней, а о роли в кино можно и не мечтать.

– А в шампуне-то почему нет?

– Потому что это уже другая категория товара. Что такое шампунь? Это косметический продукт, изготовленный для того, чтобы сделать твои волосы такими же красивыми, как у экранной модели. А это уже работа с лицом. Костя, там такой жёсткий кастинг, который в России мало кто делает. У нас тут лепят всё, что хотят. А многие актёры, не задумываясь, подписывают контракты со всеми фирмами подряд – и начинается: то её лицо мелькает в сериале, то она уже рекламирует стиральный порошок, а через пару месяцев – краску для волос. Это же совершенно разные форматы.

– А у тебя... то есть у вас как? – спросил Костя.

– Давай на «ты», мне так проще.

– Хорошо, – согласился Костя.

– У нас на каждого актёра, на любую фирму – отдельный файл, иногда целая база данных.

– Серьёзно.

– Поэтому, если хочешь подписать контракт, давай. Но только без фокусов!

– Лара, ну я же не в цирковом училище учусь, а в театральном. – Костя рассмеялся. Лара тоже: ей понравилось, что Костя наконец-то смог непринуждённо пошутить.

После этого Костя почувствовал, что теперь общаться с Ларой стало гораздо легче. Как будто исчезла невидимая стена, стоявшая между ними. Костя подписал контракт, где уже были проставлены печать и подпись Лары.

– Отлично. Только теперь мне нужна копия твоего паспорта, – сказала Лара.

– Паспорт у меня есть, а копии нет. Ты ничего не говорила про копию. Это проблема?

– Нет, конечно, но я могла бы уже завтра попросить своих менеджеров внести тебя в банк данных, портфолио у тебя хорошее. Если ты никуда не торопишься, могли бы заехать ко мне домой – я сниму копию с твоего паспорта.

– Я свободен, – улыбнулся Костя, отпив вина.

Когда ужин закончился, Лара попросила принести счёт. Костя из любопытства попытался разглядеть сумму на чеке, но Лара быстро положила в тонкую кожаную папку пластиковую карточку и отдала её официанту.

Выйдя из ресторана, они сели в Ларину машину. Проехали до конца Нового Арбата, свернули на Большой Каменный мост, затем оказались на улице Серафимовича. Въехали во внутренний двор.

Машина остановилась. Костя вышел, помогая Ларе парковаться, в чём не было особенной необходимости, но Ларе это показалось очень милым. Наконец Лара тоже вышла из машины. Костя посмотрел вверх на окна.

– И тебе не страшно тут жить? – спросил он. – Сколько человек убили в твоей квартире?

– Смешно, – сказала Лара. – В моей квартире никого не убивали.

– Везёт. Здесь таких немного.

– Интересуешься историей, молодец. – Ларе было забавно слушать рассуждения этого мальчика. – Однако это всё суеверия. В моей квартире жили ещё бабушка и мама.

– С самой постройки дома?

– И да, и нет. Это долгая запутанная история.

– Расскажи, – попросил Костя. – Мне жутко интересно.

– Хорошо, раз ты так настаиваешь, – согласилась Лара и потянула его за рукав свитера. – Только пойдём в дом, стало холодно.

Но Костя остановился.

– Подожди. А что скажет мама?

Лара расхохоталась.

– Чья мама? Твоя или моя?

Костя тут же покраснел и смутился, не понимая, что здесь смешного. Попасть в дурацкую ситуацию, знакомиться с мамой Лары он ещё не был готов.

– Костя... – Лара продолжала смеяться от души. Она уж и забыла, когда последний раз кто-то боялся подниматься к ней в гости. – Ты такой испуганный! Моей маме шестьдесят лет, и она живёт в Цюрихе вместе со своим сорокалетним любовником. Я её уже год не видела и, думаю, ещё долго не увижу. У неё своя собственная жизнь, которой она наслаждается.

Костя рассмеялся, подумав: «Ничего себе... современно».

Они поднялись в квартиру.

– Будешь кофе? – спросила Лара, направляясь в кухню.

– Не откажусь. – Костя медленно пошёл по коридору, рассматривая висевшие на стенах маски. Сейчас, когда в квартире не было никого, кроме них, Костя чувствовал себя гораздо раскованней.

Лара принесла в гостиную поднос с кофейником и чашками. По сравнению с прошлым визитом Косте здесь показалось непривычно тихо и спокойно. Только сейчас, в этой тишине Костя заметил, как эта квартира отражает Лару. В прошлый свой визит он видел только какую-то эклектику, набор мебели и предметов, но сейчас заметил, что все вещи вокруг – это изящная рамка вокруг хозяйки.

Лара разлила кофе по чашкам, включила джаз и, усевшись рядом с Костей на диван, начала свой неторопливый рассказ:

– Мои бабушка и дедушка переехали сюда из общежития на Таганке, где бабушка жила ещё со студенчества. Моя мама родилась после окончания войны и первый год своей жизни провела здесь, в «Доме правительства». Дедушка был молодым – лет тридцать пять,

не больше, – но прошёл всю войну, имел медаль за взятие Берлина, был Героем Советского Союза. А бабушке тогда только двадцать пять лет было, она окончила медицинское училище. И вот представь, она – и хозяйка этой гигантской квартиры. Думаю, ей здесь все было непривычно. У неё вдруг появилась личная домработница, внизу хороший продуктовый магазин, парикмахерская, столовая. В 1946 году родилась Лена – моя мама. Наверное, бабушкиному счастью предела не было, но продлилось оно недолго. Когда моей маме был годик, бабушка отдала её в ясли внизу, а сама ездила на работу в Первую градскую больницу. Она была такая изящная в своем белом халате! У меня её фото есть.

Лара встала с дивана, подошла к длинному узкому чёрному стеллажу с дверцами, и, достав оттуда альбом, протянула его Косте. На раскрытой странице Костя увидел фото женщины, очень похожей на Лару: те же волнистые волосы обрамляли лицо аккуратной овальной формы с большим выступающим лбом, те же немного пухлые губы улыбались сдержанной загадочной улыбкой и так же меланхолично и внимательно смотрели глаза. Только по грязно-жёлтому оттенку матовой бумаги можно было понять, что фото сделано более полувека назад.

– Какая красивая, – произнёс Костя. – Вы очень похожи.

– Да, бабушка была очень красивая. – Лара улыбнулась.

– А как её звали?

– Так же, как и меня, – только она была Лариса Сергеевна.

– А ты?

– Юрьевна.

– Ты ничего не сказала о своём отце. Где он?

– Папы нет, – вздохнула Лара. – Он умер давно, когда я была совсем маленькая.

– Извини...

– Ничего. – Лара покачала головой и снова улыбнулась, только не счастливой, а очень грустной задумчивой улыбкой. – Женщины в моей семье привыкли терять мужчин. Когда моей маме был годик, бабушка вернулась с работы и, как обычно, вначале пошла домой, чтобы переодеться. Но, выйдя из лифта, увидела, что квартира открыта, и услышала шум. Всё было перевернуто. По комнатам ходили чужие люди. Она спросила, что им нужно. И тут заметила избитого мужа. Она бросилась к нему, но её тотчас же оттащили. Потом обоих забрали на Лубянку, держали в разных камерах. На отца завели дело сразу по нескольким статьям: измена Родине, хищение государственного имущества, шпионаж в пользу иностранного государства – всего не знаю.

Оказалось, что какой-то солдат из его части то ли по дурости, то ли из жадности вывез из Берлина трофеи – безделушки и несколько картин. А потом пытался продать это на рынке. И купил у него ту картину, с которой всё и началось, чекист в штатском. Солдата сразу арестовали, устроили допрос. И в итоге он подписал донос на моего дедушку, что якобы тот подговаривал его вывезти тайком собственность вражеского народа, не сдавать её, а спекулировать ею в СССР. Дедушку с бабушкой пытали, спрашивали, где они спрятали картины, но ведь никаких картин-то не было. Бабушку обвиняли в том, что она не разоблачила истинную личность своего мужа, не донесла на него, а продолжала жить в браке, скрывая его преступную деятельность. Высшая форма абсурда, но доказать это было невозможно. Бабушка никогда не рассказывала маме, как вели допрос, – берегла её нервы, наверное. Но мама и так догадывалась.

У Ларисы Сергеевны после того дня все волосы побелели. Это на снимке она ещё молодая студентка, а потом фотографироваться совсем не любила. Мама говорила, у неё на затылке совсем волос не было – вырвали, видимо, а новые так и не выросли. Все последующие годы она носила гладко зачёсанные назад волосы.

Бабушку освободили неожиданно. Только домой не отпустили, а посадили в машину, дали белый халат и повезли в больницу. Оказалось, рожала жена какого-то чиновника. А бабушка была её личным врачом. Когда та родила, бабушка больше всего боялась, что

её повезут обратно. Поэтому, недолго думая, поехала домой. Маму мою нашла у ясельной нянечки, простой женщины, которая, видимо, пожалела и мою маму, и бабушку. Бабушка была золотым человеком – ведь помимо работы в больнице, она ещё и дома никому не отказывала, особенно детям. Всех лечила – домработниц, нянечек, учителей. В доме находилась поликлиника, но они не имели права туда обращаться, поэтому бабушка многим помогала на дому. И её знали. Думаю, поэтому нянечка и взяла мою маму к себе, хотя у неё самой дом был битком набит детьми и родственниками. Тогда ведь детей врагов народа, если оба родители арестованы, отправляли в Донской монастырь. Там находился специальный детский приёмник, а оттуда уже вывозили дальше в глубь России, в детские дома Сибири, Урала, Дальнего Востока, насильно меняли им фамилии, имена. Всё меняли – стирали память, прошлое.

В общем, придя домой, бабушка обнаружила, что квартира опечатана и взять ничего нельзя. Как была в белом халате и пальто, так и поехала она. Нянечка ей в дорогу узелок с едой дала, какие-то платки туда напихала, носки вязаные. Хорошо ещё, только ранняя осень была. Но далеко моя бабушка не уехала: её на вокзале арестовали. Отправили сначала в следственный изолятор, а затем вместе с заключёнными вывезли в Сибирь.

Кто-то в Москве за бабушку, видимо, заступился – её не отправили на зону, а поселили рядом в бараке без права выезда – принудительное поселение на десять лет. Но заставили подписать отказ от мужа. Бабушка это только ради мамы сделала, чтобы её больше не мучили допросами. Да и насчет мужа не строила никаких иллюзий – десять лет без права переписки.

– А что это?

– Расстрел, но, скорее всего, тайный. А в деле могли записать – «дело закрыто в связи со смертью подследственного, наступившей по причине сердечной недостаточности...». Тюремные врачи – это не милые люди в белых халатах; заключённого били, пытали, а врач подходил, смотрел и говорил: «Еще можно... пульс прощупывается». У врачей и патологоанатомов, работавших на Лубянке, не было выбора, подписывать подобные заключения или нет – часто их составляли даже без осмотра умершего. Не каждый мог выдержать следственные пытки, мор голодом, не каждый мог высидеть в карцере, в холодных камерах и не заболеть. А чтобы родственники не пытались искать, запрещали писать. Даже разыскивать человека было нельзя – никаких официальных запросов.

– А что же бабушка?

– Жила в Сибири на поселении. Профессия выручала: она была терапевт. Но лечила всё и всех – и от сифилиса, и от гриппа, и роды принимала, и тюремных надзирателей лечила, и блатных. Ей повезло, что жила не на зоне, – маму у неё не отобрали, она при ней росла. Денег никаких за работу не платили, но зато каждый приносил что мог: масло, мыло, сахар, табак. Бабушка курить любила сильно – думаю, это ещё и от постоянного голода. И мама моя первый раз закурила в девять лет, тоже от голода. Когда срок кончился, уезжать было некуда, да и невозможно – чтобы уехать нужно было специальное разрешение. Но совершенно неожиданно пришёл запрос из Москвы с истребованием бабушки и мамы обратно. Ехать боялись, но и отказаться было нельзя. Оказалась, что та самая женщина, у которой бабушка была лечащим врачом в Первой градской, серьёзно заболела – рак желудка. И почему-то вспомнила о бабушке, велела мужу разыскать Ларису Сергеевну, надеясь на её помощь. Что это было – последний крик о помощи, каприз больной женщины? Но её муж не отказал, разыскал мою бабушку. Он был высокопоставленным чиновником, работал с Хрущёвым. Бабушка больше всего боялась, что ей потом дадут очередной срок – ведь она не только не была онкологом, она понимала, что состояние женщины безнадежно. Но как-то всё обошлось, бабушку оставили в покое.

О возвращении в «Дом на набережной» и речи не шло, они поселились в Замоскворечье. Моя мама начала ходить в местную школу, а ещё бабушка отдала её в музыкальную, считая,

что у Лены хороший слух. И всё мечтала, чтоб мама в консерваторию поступила по классу фортепиано.

А когда маме было восемнадцать, у бабушки неожиданно случился сердечный приступ, и она умерла. Она знала, что больна, – подорвала здоровье в Сибири. Маму выселили из квартиры – дали комнату в общежитии при консерватории. Про «Дом правительства» она знала только со слов бабушки – никогда там не была, знала, что родилась в квартире 207, но даже на Каменный мост не ходила гулять, чтобы отыскать окна. То ли для неё это было странно, то ли она боялась чего-то. Когда ей исполнилось двадцать, на праздничном концерте 1 мая она познакомилась с полковником. Ему было сорок лет. Это была такая красивая история любви. Встречи, цветы, танцы. И, представляешь, он пригласил мою маму к себе в гости. Мама мне рассказывала, как они шли под руку по Каменному мосту, потом свернули на Серафимовича – мама даже зажмурилась и упала. Не хотела верить, куда они идут. И привёл её сюда, в эту квартиру, в которую сам въехал только год назад. Мама долго боялась рассказывать папе, что она в ней жила, но потом призналась.

Костя не сразу заметил, как Лара во время разговора пересела на подоконник, подобрала под себя ноги. Она смотрела вдаль, сквозь толстые стёкла, за которыми виднелась мерцающая огнями Москва. Иногда Лара на мгновение умолкала и посматривала на телефон, словно ожидала звонка. Она сама иногда сквозь долгий монолог ловила себя на посторонней мысли: а ждёт ли она звонка или нет. Ждала, ждала – и в то же самое время знала, что бессмысленно. Ответом было глухое молчаливое эхо ненабранных звонков, ненаписанных писем, непрошептанных слов, неоставленных поцелуев.

Лара посмотрела на Костю, отпила из чашки почти остывший кофе, улыбнулась и продолжила:

– Какой-то рок. Женщины в моей семье встречают его... первого... и всё, пропадают.

– И ты, Лара? – тихо спросил Костя. Он боялся услышать ответ, но Лара промолчала. Она встала с подоконника, закурила и, повернувшись так, что можно было видеть только её профиль, стала смотреть на золотые купола храма.

– Мама очень любила отца. Она не часто о нём говорит, но, думаю, она так и не смирилась с потерей.

– Его тоже арестовали?

– Какой ты милый в своей наивности, Костя. – Лара медленно прошла по комнате. – Сталинские репрессии тогда остались уже в прошлом, это было время войны в Афганистане. Мне было три года, а папе пятьдесят четыре. Мама умоляла его никуда не ехать, но он не послушался. Он такой был у нас, настоящий коммунист, к тому же ещё служил в военной авиации. У него был железный характер, по словам мамы. Он верил партии, любил свою родину. И мама с ним поехала бы, если бы не я. Пока меня не было, она с ним везде ездила, по всей России моталась.

Десять лет у них не было детей. Мама рассказывала, что отец переживал и винил себя в этом – он же получил серьёзное ранение во время Великой Отечественной войны, но отшучивался: мол, хорошо, что нет малыша – дома можно в тишине чай пить. А тишины-то и не было никогда: у них дома постоянно гости, вся элита компартии, папины товарищи по работе, именитые соседи – и все к ним. Но как только она сказала папе, что беременна, – счастливее его не было. Гордый, с сияющими глазами, он ходил и говорил: «Вот теперь я точно настоящий генерал, а раньше только чин был». К ним продолжали приходить гости, но уже не так часто. Это были три года маминого счастья, наша маленькая семья: мама, папа и я.

Мама меня растила. Когда она встретила папу и тот ей сделал предложение, она бросила консерваторию. Дома было пианино, но она только для нас играла. Меня пыталась учить... А потом... когда папы не стало, всё...

Маму вместе со мной выселили – вдова Героя Советского Союза, генерал-полковника, а жилплощади для двоих слишком много. Тогда, кажется, только по девять квадратных метров полагалось на человека, а у нас были все сто пятьдесят. Папины заслуги учли, министерство обороны прислало бумажку с серой полосой, и мы переехали в дом рядом с метро «Смоленская», типичную хрущёвку. И как мама всю жизнь росла с рассказами о доме, так и я выросла с тем же.

– Вы все троё – девушки из «Дома на набережной».

– Хм, – задумалась Лара. И улыбнулась: – Выходит, так. Только теперь меня отсюда никто не выселит. Я купила эту квартиру два года назад и ни за что не продам. Для меня это больше, чем квартира, – это часть меня, какой-то символ.

Костя молчал. Он уже не понимал, что для него было более важно – работа с Ларой или она сама. Как, почему она вдруг решила быть с ним так откровенна, рассказать о своей семье? Да, он сам её попросил, ему было интересно узнать. Но тогда, несколько часов назад возле подъезда, это скорее было обыкновенное любопытство – ведь он столько слышал о «Доме на набережной». Но такого чистосердечия не ожидал.

Всё в ней как-то сразу стало особенным для него. Он не понимал, что о чувствах лучше забыть. Карьера была важна для него, но он не соотносил её с Ларой. Ему казалось, что Лара сама по себе, а карьера сама по себе. И думал о Ларе только как о женщине, которая ему очень нравится.

Когда Костя уходил, Лара, стоя в дверях, спросила:

– Что ты делаешь завтра вечером? Хочешь куда-нибудь пойти?

– В смысле? В ресторан? Да, но... – Костя не знал, как сказать, что ему такие развлечения не по карману.

Лара сразу догадалась, в чём проблема, и поспешила его успокоить:

– Это за счёт продюсерского центра. Называется «представительские расходы». Тебе полезно посмотреть на всю эту жизнь изнутри – может, ещё и не захочешь быть богатым и знаменитым.

– Сомневаюсь. – Костя улыбнулся Ларе. – Спасибо за приглашение, я обязательно буду. – Костя обрадовался: ещё никогда он не ходил в подобные заведения один. «Вот обзавидуются», – подумал он о друзьях.

Костя вернулся домой за полночь. Не раздеваясь, прилёг на диван у себя в комнате и снова начал думать о Ларе. В ответ на мамин стук в дверь холодно произнёс: «Я устал, засыпаю...» Ему не хотелось ни с кем говорить, даже с мамой, которая начнёт любопытствовать, задавать лишние вопросы, которые перечеркнут состояние, в котором он сейчас находился. Костя надеялся, что Лара разглядит в нём не только талант, но и душу – робкую, ещё совсем наивную и романтическую, жаждущую любви, всех тех настоящих чувств, о которых она ему рассказывала. И что она сама не окажется избалованной мужским вниманием и деньгами стервой. Боже, как он боялся именно этого – что кто-нибудь когда-нибудь в этой жизни будет играть его чувствами. Что кто-нибудь выхватит его разум, душу и не вернёт. Что он будет мучиться, понимать, что так нельзя, но ничего не сможет с этим поделать. Он не хотел этого и очень боялся, понимая, что подобный опыт в его жизни всё равно неизбежен. Через похожие истории проходили все люди, знакомые и незнакомые.

«А что, если этот опыт меня полностью ломает? – думал Костя. – Что, если я перестану доверять людям, а в особенности женщинам? Если я их возненавижу? Что будет со мной тогда?» Он чувствовал страх при мысли, что в его жизни будет такая любовь и скорее всего она уже близка...

«Нет, это не должна быть Лара. Какое ей дело до меня? Она даже не смотрит на меня как на мужчину. Я для неё интересен только с профессиональной точки зрения. Клиент, и не более того. Она будет зарабатывать на мне деньги, а я – своё имя и славу... Она такая серьёзная

и, наверное, ужасно горда, что не позволяет чувствам вмешаться в работу. И даже если есть чувства, уверен, она никогда не играет ими» – с такими мыслями Костя уснул.

А Лара продолжала сидеть на подоконнике и смотреть на холодный осенний дождь, накрывший Москву. Набережная была пуста, лишь изредка по ней проносилась машина, освещающая мокрый асфальт. Лара смотрела машине вслед, пока та не скрывалась из виду. В пепельнице дотлевала сигарета, в чашке остывал недопитый кофе. Она думала, углубляясь в свои мысли. Словно по ступенькам памяти, спускалась на год, два, три назад, перекидывая в обратном порядке календарь. Оступалась, падала и летела с этой невидимой лестницы вниз, туда, где всё началось.

Лара опустила голову, чувствуя подступающие слёзы, но совладала с собой. Встала с подоконника и выключила свет. В комнате сделалось темно, и только шлейф горького запаха кофе и сигарет витал в воздухе.

Глава 5

Буквально через несколько минут после того, как Костя уехал, в квартире Лары раздался звонок в дверь. Она встала с подоконника и, совершенно не задумываясь о том, что там может быть кто-то незнакомый, открыла дверь. Захотела тут же её захлопнуть, но было поздно – на пороге, усыпанным розами, с такой же внушительной охапкой цветов стоял тот самый мужчина, который пытался познакомиться с Ларой в баре. Когда она попыталась закрыть дверь, он подставил ногу и удержал дверь.

Лара не на шутку испугалась. Ей почему-то казалось, что все эти цветы чистой воды блёф – ещё несколько секунд, и этот незнакомец достанет пистолет и уложит её тут на месте, потом ограбит квартиру и будет доволен. Почему-то пронеслась мысль: «А как я буду выглядеть, когда буду трупом? Пока ещё макияж не смыла, костюм не поменяла... Должна вроде бы ничего смотреться – главное, чтоб в голову не стрелял, а то изуродует совсем...»

Но мужчина стрелять не собирался. Он стоял на пороге и самодовольно улыбался.

– Девушка, ну вы меня сразили. Давайте познакомимся. Меня зовут Роман.

– Роман, а вы думаете, это нормально – вот так приезжать к незнакомой женщине домой и пытаться узнать её имя? Я вам ещё в баре сказала, что у вас, видимо, какие-то проблемы. Как вы узнали, где я живу?

– Просто увидел, как вы выходите со своим молодым другом, запрыгнул в машину и поехал за вами, а потом увидел свет в окне. Вычислить всё было очень легко.

– В таком случае вам будет так же легко узнать моё имя.

– Ну что вы! Я не хочу прикладывать столько усилий, с меня достаточно. Эта погоня за вами... Хорошо хоть недолго ждал. – Мужчина чуть отступил. Лара улучила момент и захлопнула дверь.

Роман позвонил ещё несколько раз, но, естественно, Лара ему не открыла. Тогда он бросил цветы на пол и ушёл.

Лара легла спать вполне довольная собой: вдруг появились какие-то два новых, но совсем не в её вкусе мужчины – один слишком молодой и робкий, а другой слишком наглый и вообще неизвестно откуда.

Утро выдалось хмурым. Небо заволочло густыми серыми облаками, накрапывал дождь. Лара сидела за обеденным столом, завтракала и просматривала глянцевого журналы. В гостиной в качестве фона работал телевизор, настроенный на канал «Euro News» на английском языке. Завтрак состоял из овсянки, сваренной на обезжиренном молоке, стакане апельсинового сока и чёрного кофе со сливками без сахара. Лара любила вкусно поесть, но и не забывала, что всё это должно быть на пользу здоровью и красоте, хотя иногда позволяла себе вредный фастфуд.

Посмотрев прогноз погоды на сегодня, Лара прошла в гардеробную, думая, что надеть. Она остановила свой выбор на светло-серой юбке-карандаш, красной с рукавами три четверти блузе и приталенном блейзере в тон к юбке. Собрав волосы в высокий пучок, она присела за туалетный столик, на котором были аккуратно расставлены баночки с пудрой, кремом, лежали кисти и стояли флаконы с духами. Лара открыла одну из банок и нанесла на лицо крем, затем широкой кистью – пудру. В воздухе тут же разлетелись сотни перламутрово-золотых невесомых частичек. Лара всегда делала макияж, подстраиваясь под собственное настроение. Никаких других правил не существовало. Кроме разве одного – чем детальнее она прорисовала стрелки на глазах, чем больше внимания уделяла маскировке любых неровностей на лице, чем больше наносила румян, теней на веки, чем идеальней был её внешний вид, тем хуже было её настроение. Естественная растрёпанность, отсутствие макияжа, даже небрежность, по её мнению, были присущи только по-настоящему счастливым женщинам, тем, которых любят. А вот

за идеальным внешним видом всегда скрывалась масса проблем. Сегодняшним утром макияж Лары был неброским, с ярким акцентом на губы, которые она покрыла помадой классического красного цвета.

– Ну что, довольны? – услышала Лара, выходя из подъезда, и снова увидела Романа. Только сейчас она обратила внимание, что тротуар у подъезда усыпан цветами.

– В каком смысле?

– Торчу тут всю ночь, вас караулю. – Роман выглядел очень уставшим, но не рассерженным.

– Какое мне дело до того, что вы тут торчите? Хоть поселитесь возле подъезда.

– Предпочту поселиться рядом с вами, чтобы наслаждаться каждый день, видя, как такая красивая женщина выходит из дверей своей квартиры.

– Не получится. Мой сосед живёт тут чуть ли не с момента постройки здания и никогда не согласится продать свою квартиру. Поверьте, ему это уже не раз предлагали.

– Тогда остаётся купить вашу квартиру или попросить вас временно приютить меня.

Почему-то Ларе это шутка понравилась, и она рассмеялась.

– Не смейтесь, я серьёзно. Мне негде теперь жить: я потерял, потерялся в ваших глазах... и в ваших алых губах.

«Всё-таки этот цвет мне очень идёт», – отметила про себя Лара.

– Ну хорошо, меня зовут Лара. Познакомились? Теперь я могу идти? У меня много дел.

– А позавтракать не хотите?

– Сейчас?

– Хотя бы... Тут же у вас «Эльдорадо» рядом. Он работает круглосуточно. Я туда часто заезжаю часов в пять утра позавтракать.

– Сейчас почти полдевятого – боюсь, для вас это уже слишком поздно.

– А вы что-нибудь делаете не по графику?

– Делаю, но, думаю, вам это неинтересно.

– А если завтра?

– Не знаю.

– А как я смогу это узнать?

Лара достала визитку и протянула её мужчине. Тот покрутил её в руках, прочёл.

– Спасибо, я позвоню.

Не ответив, Лара прошла мимо. А сама подумала: почему же всё-таки она уступила его наглости и напористости? Что-то в нём было такое, чего она сама себе объяснить не могла. Было ощущение, что она уже наперёд знает примерный сценарий развития их отношений, но не финал. Именно такое ощущение её настигало всегда, когда она встречала наглых, самоуверенных мужчин, знающих, что их никто в этой жизни не сломает, никакая любовь, в которую они уже давно не верят, никакая, даже лучшая на свете женщина. И почему-то ей всегда хотелось попытаться если уж не сломать этого мужчину, то хотя бы поставить на место, а ещё дать ему возможность самому найти в себе что-то лучшее, что осталось в нём. И сразу вспомнился как противоположность Костя. «Вот кто одновременно боится и жаждет, чтоб его сломали, хочет почувствовать вкус этой настоящей, опасной любви. Бедный мальчик... А ведь почти на крючке – один его взгляд чего стоит... Впрочем, нет, не хочу о нём думать сегодня».

– А цветы? – спросил Роман.

– Вы предлагаете мне их самой тащить?

– Я могу помочь доставить их к вам в офис.

– Не нужно. – Лара подошла ближе к разбросанным на асфальте цветам. Присев на корточки, она посмотрела на розы, – да, дворники будут вам очень благодарны. Она взяла одну из них и направилась к машине.

– А с этими что делать?

– Гербарий.

– А вы шутница. Я позвоню.

– Я это уже слышала. – Лара открыла дверцу, села в машину и взглянула на Романа ещё раз.

– Лара, – услышала она его голос, закрывая дверь, – вам охранник не нужен?

– У вас что, собственное агентство?

– Да. И работаю в нём только я. VIP-услуги.

– Нет, спасибо, не нуждаюсь.

– Неужели вам тут не страшно жить одной? Здесь столько людей поубивали в своё время... Привидения не заходят?

Лара рассмеялась, подумав: «И этот туда же».

– Привидений я не боюсь. И с чего вы решили, что я живу одна? – Не дожидаясь ответа, Лара закрыла дверь, и машина тронулась с места.

Роман ещё какое-то время стоял и смотрел в ту сторону, куда она уехала. Потом достал телефон, набрал номер.

– Алло, Сергей? Да я. Номер подключи к ушам. Пишешь? Прямой, семь-пять-пять... Ну спасибо. Только всё пиши, ладно? Да, я тебе про неё говорил вчера. Видимо, придётся работать... Да, и адрес точный пробей: живёт в Доме на набережной, подъезд десятый, квартиру не помню – узнай. Всё узнай – кто соседи, с кем живет, чья квартира.

Глава 6

Костя проснулся непривычно рано и всё утро просидел в комнате, ожидая звонка от Лары. Он никогда не был домоседом, и застать его в выходные было невозможно. С самого утра он уже куда-то мчался, чаще всего в гости к Фиолету, чтобы вместе что-то замутировать.

Крепкие дружеские отношения между молодыми людьми начались задолго до поступления в театральный институт. Их мамы были близкими подругами. Вот так «дружбы» переплетаются и кольцуются в Москве. Ещё в ранние студенческие времена Ольга Георгиевна, мама Кости, познакомилась с Лидой Кузнецовой и Диной Тарасевич. По окончании МГАХИ им. Сурикова жизнь подруг пошла в разных направлениях.

Это был девяностый год, когда профессия художника стала бесполезной. Поначалу казалось, что всё наладится – подыщется приличное место работы в Пушкинском или Третьяковке, в крайнем случае, в одном из менее известных московских музеев. Только ничего не нашлось. Вот тогда-то и пригодились заведённые во время студенчества знакомства. По московской традиции, общение не прекратилось, а, наоборот, стало взаимовыгодным. Лида очень удачно вышла замуж за выпускника МГИМО, родила в один год с Ольгой сына Дениса, но сразу же по окончании института уехала вместе с мужем в Париж, куда того отправили в командировку на несколько лет. Лида высылала подругам духи, косметику и одежду. В Москве же Ольга с Диной подбодряли друг друга, доставая билеты в театр, а позже – на новогодние ёлки для детей.

Лида вернулась в середине девяностых в Москву с желанием «всё переделать» и открыть собственную галерею в столице. Она – единственная из трёх подруг, кто состоялся в профессии. Каким-то чутьём Лида поняла, что о русской живописи, особенно о модернизме, кубизме, советском реализме, не забудут и что её нужно скупать-продавать-выставлять в Париже и не только. И если Ольга и Дина перебивались мелкими подработками, то у Лиды проблем с финансами и работой совершенно не было.

Не без помощи Ольги Лида открыла в Москве одну из первых галерей современного искусства, где Ольга и стала полноправным куратором. Пока подруга разъезжала по бывшей Стране Советов, выискивая «недорогие шедевры», часто валяющиеся на чердаках у стариков, Ольга решала, какие выставки проводить, каких художников выставлять, а кому отказывать.

Жизнь снова потекла такой, о какой они мечтали, ещё будучи на первых курсах института: много работы, много общения, но основой дружбы были не искренняя взаимовыручка и понимание, а отношения «ты мне – я тебе». Позвонить просто так вечером и поговорить на глубоко личные темы – бесполезно – все заняты, да и на личные темы говорить не хотелось – ничего интересного там не было, нужно было делать вид, что в личном всё как у всех. Зато всегда можно было встретиться в ресторане, на открытии выставки, кинопремьере, там же обсудить, кто сейчас и чем занимается, кому что нужно, пощebetать, продемонстрировать обновки, посплетничать о старых и новых знакомых и разойтись вполне довольными.

Настоящим женским счастьем никто из них не обзавелся. Как-то скомкано пошла жизнь. Ольга, влюбившись в отца Кости ещё на втором курсе института, выскочила за него замуж мгновенно, боясь, что уведут. Через год у них родился сын. Но тут-то Оля и узнала, что бояться того, что уведут, совершенно не стоило. Муж никуда уходить не собирался – ему нравился комфорт семейной жизни, нравилось выходить в свет с женой, завязывать полезные знакомства, а что касается «до» и «после» концертных развлечений, это всего лишь творческая разрядка, никак не мешающая, на его взгляд, семейной жизни.

Узнав о неверности мужа, Ольга вначале устраивала скандалы, грозила разводом, но не так она была воспитана. Когда-то очень давно ей внушили, что раз вышла замуж – это навсегда. Если муж приносит деньги в дом, если ты и ребёнок сыты и здоровы – терпи

всё остальное. И Оля, махнув рукой, терпела, обратив всё свое внимание на Костю, которого любила до безумия. Она ничего ему не запрещала и делала для сына всё, что только в её силах.

Костя рос, окружённый повышенной материнской заботой и отцовским равнодушием. И вырос совершенно не готовый к принятию важных решений. Костя не любил самостоятельности. Она давалась ему с большим трудом. Самому готовить, убирать комнату и стирать одежду – ещё куда ни шло. «Постирушками», как Костя называл уборку и стирку вместе взятые, он занимался хоть и нерегулярно, но всё-таки делал, особенно если знал, что ему нужны чистые вещи для «выхода в свет». До ужина всегда можно было перебиться быстро завариваемой лапшой, бутербродами, а если есть лавэ – заглянуть в кафешку на Арбате, поесть роллы, в крайнем случае – завалиться к Фиолету и перехватить хавчик у него или стрельнуть «штуку» у Абрама, а ещё лучше – поесть за его счёт в каком-нибудь понтовом ресторане.

Однако что касалось серьёзных решений – Костя по-настоящему боялся их принимать и к родителям обращался не за советом, а давал им возможность решать за него, соглашался с ними, сваливая все неудачи именно на них.

Но сегодняшним утром Костя мучился в догадках и страдал от неизвестности, понимая, что только один человек может эти мучения прекратить – Лара, но именно она-то и не звонила. Что только не выдумывал Костя, набирал какие-то нелепые сообщения на мобильном телефоне, но тут же их удалял, швырял телефон на неубранную постель, садился на подоконник и думал о Ларе. С очередной новой мыслью вскакивал, бросался к телефону, проверял его – она не звонила.

Промучившись так несколько часов, Костя понял, что остаётся одно – ждать. И когда Ольга Георгиевна постучала в дверь, спросив: «Костя, ты всё ещё спишь?», он деланным сонным голосом пробурчал: «Да, мам, просыпаюсь». – «Вставай, уже почти двенадцать, соня! Завтрак на столе, а я уезжаю по магазинам». – «Хорошо, мам, спасибо», – крикнул ей в ответ Костя, вернулся к подоконнику, раскрыл окно, взглянув в пустующий двор, равнодушно посмотрел на золотистые верхушки тополей, росших под окнами, и закурил. Есть совершенно не хотелось.

Когда в квартире воцарилась тишина, Костя прошёл на кухню, где с безразличием съел оставленные мамой домашние пирожки, выпил чашку чая и вернулся к себе в комнату, поминутно проверяя мобильный телефон. Он почему-то решил, что Лара непременно должна дать знать, что встреча вечером состоится. Ему нужно было хоть какое-то подтверждение от неё – звонок или сообщение, но телефон молчал. Костя был в отчаянии, не зная, стоит звонить самому или нет, но больше склонялся к тому, что Лара про него забыла. И ещё больше его разозлил неожиданный звонок от Юли.

«А, это ты...» – недовольно пробурчал Костя, услышав звонкий и радостный голос Юли.

– Костя, такое солнышко сегодня, последние тёплые деньки, на следующей неделе обещают дожди. Пойдём гулять сегодня на Старый Арбат? – спросила Юля, не замечая его недовольства. Она уже привыкла к тому, что Костя не отличался большим тактом, особенно по телефону.

– Я занят, – сказал Костя. – Иду в ресторан.

– С родителями?

– С друзьями.

– А я могу пойти? – спросила Юля. В её голосе чувствовалась прорывающаяся обида.

– Юль, это деловая встреча. Я вчера контракт подписал.

– Костик, я так за тебя рада! Что ж ты сразу не сказал, звезда моя!

– Да так...

– Не скромничай, ты же молодец!

– Старался. – Костя ухмыльнулся: а всё-таки приятно, что Юля восхищается им.

– Отметим вместе завтра?

– Хм... – Костя задумался. Давать ответ сразу он не хотел, не зная свои планы. – Давай созвонимся.

– Конечно. Целую, любимый.

– Пока.

После этого телефон снова замолчал, и в квартире на долгое время воцарилась тишина. И когда Костя уже решил звякнуть Фиолету, чтобы пойти куда-нибудь выпить, на телефон пришло сообщение: «Спускайся вниз, жду. Лара». Костя помчался было к лифту, но вовремя опомнился – остановился перед входной дверью, отдышался и вышел из подъезда спокойно, как будто и не было этих мучительных часов ожидания.

Лара сидела за рулём совершенно другой – ярко-красной спортивной машины.

– Привет! – сказала она, улыбаясь. – Что стоишь? Запрыгивай!

– Классная машина. – Костя поцеловал Лару в щёку.

– Да, моя любимая малышка.

Машина тронулась с места, выехав из двора, где жил Костя и свернула на Кутузовский проспект в сторону центра. Между тем диалог Лары и Кости продолжался.

– Хорошие машины – моя слабость. Я люблю долго-долго ехать куда-нибудь одна, слушать музыку, размышлять, мечтать.

– Ты любишь мечтать? – удивился Костя. В его представлении Лара не казалась ему мечтательницей, так он мог подумать о Юле, но совершенно не о Ларе.

– В каждой женщине живёт маленькая девочка.

– И о чём же мечтаешь? Встретить принца на белом коне, который влюбится в тебя и забереёт с тобой в своё королевство.

– Знаешь, уже в детстве я была реалисткой и в сказки не верила, а жизнь это только подтвердила.

– Так чего ты хочешь?

– Я... – Лара задумалась, понимая, что разговор принимает откровенный характер, и решила отшутиться: – В данный момент мечтаю, чтобы ты стал знаменитостью. – Она протянула руку и взъерошила волосы юноши.

Костя расхохотался.

– Боюсь, твои мечты никогда не станут реальностью.

– Ты бездарность или просто в себя не веришь? Нет, я не могла в тебе ошибиться.

– Правда? Я, наверное, ещё плохо себя знаю, – смутился Костя.

– Напрашиваешься на комплименты? Я считаю, что ты способный молодой человек, но... – Лара пристально посмотрела на Костю, отчего ему снова стало не по себе. Это был тот самый глубокий изучающий взгляд, который он уловил ещё в первую их встречу. – Я теперь знаю, какой у тебя будет образ.

– Какой же?

– Что-то между Бредом Питтом и Дэвидом Бекхэмом.

– Но я не футболист.

– Нам это и не нужно. Просто поизучай их. На нашей сцене таких похожих пока нет. Вот над этим мы и поработаем. Волосы у тебя шикарные. Мы только добавим немного золотых прядей, слегка изменим стиль причёски. Немного походишь в солярий – надо быть посмуглей. С фигурой у тебя всё в порядке, но я всё равно запишу тебя в спортивный клуб – так нужно. Ну а вопрос с одеждой решим сегодня же.

– Лара, но у меня нет ни копейки на это... Родители у меня не бедные, но они никогда не потратят на меня миллионы.

– А я не родители – я Лара, твоя фея!

Остановив машину на светофоре, Лара достала из красной лаковой сумки портмоне, отсчитала несколько стодолларовых купюр и протянула Косте.

– Я не могу взять это у тебя. – Костя попытался отвернуться от денег, но Лара протянула руку ещё ближе.

– Бери, это в счёт твоих будущих гонораров.

– Только ты записывай, я всё отдам.

– Может быть, мне ещё и счётчик в машину поставить за предоставление транспортных услуг?

– Лара, я серьёзно. Я себя некомфортно чувствую в такой ситуации.

– Хм, а в чём дискомфорт? Ты мой клиент, а не молодой человек. Считаю, что мы работаем по программе «всё включено».

– Хорошо, – согласился Костя, взял деньги и засунул в карман джинсов. – А куда мы едем?

– Сейчас на секунду заедем ко мне, а потом в ресторан, в клуб. Познакомлю тебя с некоторыми людьми.

– Надеюсь, я не встречу там своего папу или друзей.

– А что, твой папа любит по клубам ходить?

– Он же музыкант, куча знакомых. Я много знаменитостей знаю.

– Забавно, я тоже, – рассмеялась Лара: он хвастался этим как школьник, который хочет произвести впечатление на понравившуюся девочку.

– Да... – Костя понял, что Лару, в отличие от Юли, такими знакомствами не удивишь, потому что она не только знает, но и работает со многими из этих людей. – А друзья сегодня собирались в «Дягилев».

– Неплохой клуб, но меня утомляют вечные попытки тамошних посетителей произвести впечатление толщиной своих кошельков. Многие из них даже не имеют представления, кто такой Сергей Дягилев.

– Если честно, я тоже не имею представления. – Костя понял, что и вторая попытка произвести впечатление не удалась. Но неожиданно для себя он расслабился – решил, что гораздо проще быть таким, какой ты есть, чем изображать того, кем не являешься.

– Не знаешь? Ты же актёр, и семья у тебя, как я поняла, очень творческая.

– Ты знаешь, это моя ошибка, – смутился Костя.

– Конечно, а чья же ещё?! Больше книг надо читать, Костя. Дягилев был известным русским театральным деятелем, антрепренёром, организатором «Русских балетных сезонов» в Париже в начале прошлого века и основателем знаменитой балетной труппы, в которой были такие известные на весь мир танцоры, как Вацлав Нижинский, Анна Павлова, Тамара Карсавина, Александр Монахов. С ним работали Бакст, Бенуа, Рерих, Шанель.

Костя слушал монолог Лары, понимая, что многие имена ему незнакомы.

– Мне ужасно стыдно, Лара. Я по сравнению с тобой неизвестно кто.

– Успокойся, ты не неизвестно кто, ты – Костя Гринёв, молодой, красивый и талантливый. Просто запомни, что одного таланта и красоты мало. Мозги – это тоже сексуальная часть тела.

Костя удивлённо посмотрел на Лару, снова открыв в ней что-то новое:

– Я ещё ни от кого подобных слов не слышал.

– Нужно заниматься самообразованием, Костик. Создание антуража – моя работа, но основное зависит от тебя. Мы приехали.

Костя и Лара вышли из машины.

– А зачем мы приехали к тебе? Ты что-то забыла?

– За твоим антуражем. Ты хочешь быть звездой, так нужно и выглядеть по-звёздному.

– Тебе не нравится, как я одет? Могу поехать домой переодеться, хотя я люблю этот свитер – он дорогой, мне отец привёз его из Германии.

– Вижу, что дорогой, и вижу, что ты его любишь – заносил вон до дыр.

– Это же такой дизайн.

– Прекрасно, но надеюсь, ты будешь рад примерить что-то новое.

Войдя в квартиру Лары, Костя услышал музыку, доносившуюся из дальней комнаты.

– Кто-то дома?

– Нет. С чего ты решил?

– Музыка...

– А... – Лара прошла на кухню, открыла бутылку красного вина и налила в бокалы. – Я никогда не выключаю стерео – люблю приходить домой и слышать звуки джаза. Москва – такой шумный город, навязывающий тебе собственные звуки, а здесь... – Лара закружилась. – Здесь только мой мир и только то, что я хочу.

Костя удивленно посмотрел на неё, пытаясь уловить двойной смысл в сказанном.

– А что это играет?

– Диск Анны Королёвой – знаешь, выступает в клубе «Форте»?

– Первый раз слышу. Она тоже из твоих протеев?

– Нет. – Лара улыбнулась. – Она талантлива, ей это ни к чему.

– Ты хочешь сказать, к тебе одни бездарности идут?

– Во все нет. Сейчас люди делятся на тех, кто гонится за славой и деньгами, и на тех, кому важно получать удовольствие от работы. Те, кому нужны слава и деньги, приходят ко мне, я свободой не торгую.

– Значит, я попался в капкан. – Костя подошёл к Ларе ближе и попытался её обнять, но она отошла в сторону, сделав вид, что ничего не заметила.

– Проходи в гостиную, там для тебя кое-что есть, посмотри. – Лара улыбнулась. – Я сейчас принесу сыр.

Через несколько минут Лара вошла в гостиную, где Костя, словно маленький ребёнок, сидел на полу, раскрывал коробки и пакеты и радовался каждой новой вещи.

– Давай выпьем за твой успех, за твой первый день. Надеюсь, он тебе понравится.

– Он мне уже нравится, Лара, но... – Костя запнулся, пытаясь найти нужные слова. – Но как я объясню всё это родителям?

– Вообще-то это обусловлено контрактом, который ты, видимо, не особенно внимательно прочитал. Туда входит забота об имидже клиента. Но если так переживаешь, оставь вещи в институте или у друзей.

– Оставлю у Фиолета, он живёт один. Только куда мне столько?

– На любом мероприятии тебя должны видеть только в новом наряде. У тебя должно быть какое-то деление вещей на тусовочные и нетусовочные. Потом это можешь друзьям отдавать, знакомым или продавать. Так, теперь надевай вот эти джинсы, эту рубашку с запонками, ботинки. Думаю, будет смотреться хорошо. А я пойду тоже переоденусь, и мы выезжаем. Скоро мой водитель приедет.

– А зачем тебе водитель?

– Солнышко, я хоть и работаю, но расслабиться мне тоже хочется, выпить вина. А садиться за руль, выпив, не хочу.

Выйдя из подъезда, Костя увидел огромный серебристый джип. Лара села в машину, Костя последовал за ней. Едва машина двинулась с места, Костя не удержался:

– Сколько же у тебя машин?

– В Москве – три. Одна служебная, другая так, для развлечений, а третья – для ответственных случаев, с водителем.

– А что, есть ещё и не в Москве?

– Да. Со временем увидишь. Поедем в Италию – обязательно заедем ко мне на виллу, отдохнём там. Я обычно собираю большую компанию друзей по различным поводам.

– Почему ты стала продюсером?

– Так, судьба подтолкнула. Я искала свой путь – и нашла.

– Встретила какого-то продюсера и он дал тебе денег?

– Дорогой, а ты очень настойчив. – Ларе не понравилось любопытство Кости. – Всегда хочешь знать правду? Видно, что тебе только девятнадцать. Будь ты старше, я бы тебе такой бестактности не простила. Запомни, Костя, раз и навсегда: каким образом кто-то заработал свои большие деньги, стал известным и популярным, откуда у кого-то шикарная машина и дома – не твоё дело. Никогда не спрашивай у людей о подобных вещах. В лучшем случае над твоей наивностью просто посмеются, в худшем – перестанут общаться, и ты попадёшь в чёрный список как слишком любопытный товарищ. Никогда не задавай вопросов о деньгах и прошлом и никогда не давай советы касательно того же самого. Понял?

– Понял. – Костя опустил голову. От радости и задора не осталось и следа. Ему казалось, что Лара отчитала его, как школьника. Хотелось исправиться, но он не знал как.

– И не обижайся на то, что я сейчас сказала. Я твоё доверенное лицо и могу тебе это простить. То, что я буду знать о тебе, и, что ты будешь знать обо мне, не должно уходить дальше наших ушей, согласен?

– Да, конечно.

– Ну так вот, относительно меня. Могу сказать так: за успехом любой женщины всегда стоит мужчина.

Константин внимательно посмотрел на Лару. Что же это был за мужчина, который сделал её успешной? И где он сейчас? Она его любила или только использовала? Всё это было одновременно странно и интересно. Вот так откровенно услышать от женщины признание в том, что она не сама добилась всего. Хотя, с другой стороны, ведь ей был дан старт, а какой – разве это так важно, если после старта она выиграла, стала победителем? Нет, что-то внутри него говорило, что это всё равно неправильно, что не может быть успех полным, если ты не добился всего сам, не прибегая к чьей-то помощи. «А чем я лучше? Ведь я тоже уже решил пойти обходными путями...»

Машина остановилась возле ресторана «Сеттебелло». Не успели Костя с Ларой выйти, как к ним подошли два охранника и поинтересовались целью визита. «Я бронировала столик на двоих», – небрежно ответила Лара и, подхватив Костю под руку, спокойно прошла мимо стражей порядка.

Идя по аллее, Костя рассматривал старые стены здания, напоминающего бывший завод или научно-исследовательский институт. Но миновав его, увидел ресторан, разделённый на две части – открытую веранду под белым шатром, где играли музыканты, и непосредственно ресторан.

К гостям подошла девушка-администратор и предложила на выбор места. Лара выбрала столик на веранде, где на диванах уже лежали тёплые шерстяные пледы, свидетельствующие о приближающейся холодной осени, и работали обогреватели.

Расположившись друг напротив друга на белых диванах, оба закурили. Костя смотрел на Лару и находил её очаровательной и интригующей. Принесённое меню Лара по привычке, не открывая, отложила в сторону. Костя долго листал свой экземпляр, не зная, на чём остановить выбор. «Я всегда заказываю салат „Цезарь“ и пасту с морепродуктами – в Москве их редко где делают плохо». Костя кивнул и попросил Лару в таком случае сделать заказ на двоих. Сомелье принёс винную карту и протянул её Косте, а тот, смущаясь, принялся читать незнакомые названия вин, пытаясь угадать самое хорошее.

– Может быть, вам посоветовать что-то определённое? – спросил сомелье.

Видя, что Костя явно смущается, Лара ответила за него:

– Александр, спасибо, мы сами подумаем. Если нам будет сложно сделать выбор, вы нам что-нибудь порекомендуете, хорошо?

– Ты что, его знаешь? – удивился Костя, когда сомелье ушёл.

– Нет.

– Почему же ты называешь его по имени?

– Оно написано у него на бейдже.

– И?

– Что «и»? Разве это проблема? Если он официант или сомелье, у него есть имя. Обслуживающий персонал – это не второго сорта люди, они такие же, как мы. Я всегда стараюсь узнать имя официанта, если оно у него не написано на карточке, и всегда оставляю хорошие чаевые. По меньшей мере, это говорит о воспитанности человека. Я люблю хорошее обслуживание, но и себя считаю обязанной уважительно относиться к тому, кто меня обслуживает. И я не понимаю, как человек может требовать внимания, когда сам начинает с хамства и унижительного обращения. Да, в любом дорогом ресторане и хорошем заведении официант промолчит, извинится и пригласит администратора решить возникшую проблему, но, как мне кажется, всегда надо начинать с улыбки и «здравствуйте» не только официанту, но и посетителю.

– Хорошие манеры – большая редкость.

– Вокруг тебя всегда есть люди, которые замечают, как ты себя ведёшь. Не забывай об этом. Кому нужны скандалы с официантами, разбирательства в суде из-за публичных оскорблений?

– Ты права.

– И я надеюсь, что в этом ты не будешь притворяться.

– Я вообще не притворяюсь, – солгал Костя.

– Скоро научишься.

– А ты, Лара? Что это всё – иллюзия или настоящее?

– То, как я живу, – это настоящее, у меня нет другой жизни.

Ответ не успокоил Костю – в нём как будто чувствовался какой-то подтекст. Как будто Лара, живя этой жизнью, всё равно думала о чём-то ещё, о том, что всё могло быть по-другому.

– Ты счастлива, Лара? – Костя понимал, что задавать такой личный вопрос, наверное, не следует, но, с другой стороны, ведь она сама намекала, что их общение будет близким.

– Смотря что вкладывать в понятие «счастье».

– А что для тебя счастье?

– Жить в гармонии с собой и стараться сделать других людей, окружающих тебя, счастливыми.

– Так ты счастлива?

Лара посмотрела на Костю, словно хотела что-то сказать, но в этот момент снова подошёл сомелье. Лара этому обрадовалась – уж слишком глубоким был вопрос – говорить о том, чего нет.

Сделав заказ, Лара взяла новую сигарету, прикурила и откинулась на спинку дивана, поглядывая на Костю и слушая музыку. Костя нервничал: он не знал, о чём говорить.

– Мы будем одни? – поинтересовался Костя. – Или ещё кто-то подъедет?

– Тебе некомфортно со мной? – Лара посмотрела Косте в глаза, как ему показалось, резко, но в то же время маняще. Нет, не поругать его она хотела, не испугать или оскорбить, но что она имела в виду, задавая вопрос, Костя не понимал.

– Нет, что ты... – Как ответить, чтобы Лара не приняла его волнение за дискомфорт?

Но Лара ему помогла и рассмеялась:

– Об этом я и говорю. Ты пытаешься найти какие-то слова, чтобы сказать что-то правильное. Костя... – Лара наклонилась вперёд и положила ладонь ему на руку. Костя невольно посмотрел на её грудь под расшитым кружевным корсетом и обнажённые плечи. – Не нужно ничего выдумывать, будь естественным. Ты мне нравишься таким, какой ты есть.

– Я тебе нравлюсь?!

– Разве это плохо? – Лара снова усмехнулась.

– Нет...

– Расслабься. Побудем здесь, а потом поедem в клуб. Я звонила своим знакомым и Дине. – Лара заметила, как при упоминании имени Дины лицо Кости изменилось – на нём появилось какое-то неприятное, тошнотворное выражение, но тут же исчезло, словно Костя сумел совладать с собой и решил не выдавать себя. Лара вспомнила, что Дина часто рассказывала о походах в стриптиз-клубы, где ей приходится платить за услуги молодых мальчиков. «Уж не пыталась ли она совратить Костю?» – подумала Лара, но тут же отбросила эту мысль: от этого ей стало не по себе.

– А что за знакомые?

– Герман – он режиссёр, работает на телевидении, но у него есть и свои независимые проекты. Тоже ищет деньги. Я постараюсь его свести с одним банкиром, который инвестирует в кино. Если всё получится, ты будешь сниматься.

– А если нет?

– Должно получиться. Во вторник или среду ты поедешь на кастинг для рекламы мобильной компании. Им нужно новое лицо, но они хотят, чтобы человек был не особенно простой, из толпы, и в то же время не слишком знаменитый. Ты идеально подходишь. Ещё нигде не светился, но засветишься. Как только, я надеюсь, тебя утвердят на роль, мы сразу же дадим в нескольких журналах интервью с тобой.

– Лара, это просто супер!

– Ну, давай за твой успех! – Лара подняла бокал.

– Мы так часто за него пьём.

– Значит, он обязательно будет! По-моему, – Лара посмотрела куда-то вдаль, – это хороший знак...

– Какой?

– Только что в ресторан вошел твой тёзка, уже известный актёр – Константин Жуков.

– Где, где? – Костя обернулся и увидел совсем рядом молодого актёра с друзьями.

– Зачем ты так резко повернулся?

– Извини.

– Ты должен вести себя как звезда, а не как поклонник.

Костя заметил, как Лара несколько раз переглянулась с актёром, улыбнулась ему и его друзьям.

После нескольких часов общения Лара поняла, что Костя уже не такой застенчивый, гораздо откровеннее и даже пытается с ней флиртовать, хотя это получается у него немного по-детски. Костя тоже увидел Лару в каком-то другом амплуа.

Они много говорили о кино, бизнесе, об известных актёрах и режиссёрах, с которыми работала Лара. Какие-то подробности своих отношений со многими людьми Лара скрывала от Кости, понимая, что этим только навредит себе. Лара никогда не рассказывала этого тем, с кем работала, поэтому в Москве у неё была хорошая репутация, её считали опытным продюсером, знающим своё дело.

Костя наслаждался вечером. Ему казалось, что это какой-то сон. И хотелось, чтобы он никогда не кончался. Хотелось всю жизнь ходить в такие же рестораны, носить дорогую одежду, сидеть рядом с красивой женщиной. И казалось, что этот звёздный дождь будет идти без остановки. Костя забыл, что всё это, как сказала Лара, антураж, для поддержания которого требуется много работать и много отдавать.

Глава 7

После ужина, как и было запланировано, отправились в клуб.

Машина остановилась возле сада «Эрмитаж». Лара и Костя вышли и, пройдя через ворота в парк, направились к клубу.

– «Дягилев», – мечтательно произнёс Костя, всё ещё не веря, что через какие-то минуты окажется в этом знаменитом клубе.

– Костя, поменьше восторга. Это всего лишь клуб, а не восьмое чудо света.

– Конечно, но, когда живёшь в таком городе, как Москва, обязательно хочется побывать везде.

– Поставить галочку в своём списке и сказать за разговором друзьям: «Да я там тоже был... ничего себе...»

– Как ты догадалась?

– А то я не знаю, что влечёт молодых людей. Тщеславие – это вполне объяснимо.

– Ты меня осуждаешь?

– Нет, с чего ты решил? Я тоже привыкла желать лучшего. Мы с тобой в этом похожи. Костя поначалу обрадовался услышанному, но когда Лара продолжила, от его улыбки не осталось и следа.

– Только «Дягилев» – это не моя мечта.

Они подходили всё ближе.

– Улыбайся, но только, пожалуйста, не так наивно, – сказала Лара, когда они подошли совсем близко к входу.

– Как мы туда попадём? У тебя есть VIP-карта?

– Смеёшься, что ли? – Лара взяла Костю за руку, повела к металлическому ограждению. Костя почувствовал себя ребёнком, которого мама насильно ведёт в школу.

Толпа возле клуба напоминала клонированных зомби из фильмов ужасов. Было ощущение, что пришли сюда на запах крови, почувствовав его за тысячи километров. Их глаза сияли лихорадочным блеском. Молодые люди и девушки передвигались из стороны в сторону, а над ними в позе верховного жреца первобытного племени стоял какой-то молодой мужчина. «Кто он? – подумал Костя. – Что-то я такое слышал...» Но глядя на него, Костя не мог ни вспомнить, ни предположить, кто это. Внушительного роста и вида охранники выглядели куда более устрашающе и вызвали чувство преклонения. Так и хотелось им сказать: «Пустите меня, пожалуйста, я хороший, ничего там у вас плохого делать не буду. Посмотрю и уйду».

Костя заметил, что только он один почему-то боится охранников, а в толпе никто не обращает на них внимания. Это напомнило ему сцену из «Парфюмера», когда Жан-Батист Гренуй лишь одной каплей духов подчинил себе толпу.

Мужчина посмотрел в одну сторону, затем в другую, и тут Костя заметил, что взгляд остановил на них. Он подошёл ближе и уставился на Лару.

– Добрый вечер, – слегка заигрывающим взглядом Лара посмотрела на мужчину. Она не умоляла его как другие «пожалуйста», её взгляд скорее говорил о том, что отказать в просьбе ей нельзя. – Можно пройти?

Её короткое болеро, отделанное мехом, словно нечаянно распахнулось, демонстрируя корсет, Лара поправила волосы, продолжая улыбаться мужчине.

– Сколько вас сегодня?

– Двое – я и мой спутник.

Мужчина оценивающе посмотрел на Костю и сказал:

– Проходите. Пропустите эту пару.

Толпа расступилась. Охранник снял цепочку, и Лара с Костей прошли за ограждающий барьер, Костя услышал, женский визг в толпе: «Паша, Паша, а нас с подружкой? Ну пожалуйста». На что Паша ответил: «Могу пропустить одну. Решайте».

– Кто этот парень, с которым ты разговаривала?

– Паша Фейсконтроль.

– Тот самый Паша? Знаменитый фейсконтрольщик Москвы?! О нём же легенды ходят!

– Ходят, – усмехнулась Лара. – О нём уже романы пишут и снимают фильмы. Странно, что ты его не знаешь. С другой стороны, это хорошо. Ты действительно выглядел так, будто тебе по х... кто он такой.

– Лара!

– Что?

– Первый раз слышу от тебя такие слова.

– Ну... Ты от меня многое услышишь в первый раз, красавчик.

Они прошли длинный коридор, затем поднялись по лестнице и оказались внутри. Было ещё не так много народа, но девушек уже больше, чем мужчин, и последние развлекались, гадая, кто им обойдётся сегодня дешевле, а девушки из всех сил пытались показать, какие они замечательные, красивые, ухоженные и дорогие, что только самый-самый богатый мужчина может рассчитывать на их внимание. Они вызывающе и легко тратили деньги, которые многие из них копили долгое время, чтобы прокутить в баре «Дягилева», – только чтобы мужчина не подумал, что на самом деле они очень нуждаются в финансовой поддержке.

Выражение лица у большинства было одинаковое – высокомерное, с намеком на пухлые силиконовые губы. У кого-то они действительно были таковыми. Конечно, в клубе были и те, кто пришёл развеяться, имея к тому достаточно средств и времени. Как правило, эти девушки были одеты и вели себя гораздо скромнее, нежели те, кто выставлял себя на продажу. Для большинства же юных особ поход в «Дягилев» был счастливым лотерейным билетом, и они пытались использовать этот шанс по максимуму, понимая, что, возможно, второго такого в их жизни никогда не представится. И если сегодня, в эту ночь они ни с кем не познакомятся, не подцепят богатого мужика, их жизнь, возможно, сменит направление в сторону какого-нибудь «калинарного» техникума... А пропадать в поварах, уборщицах, официантах и иже с ними никому не хотелось.

«Дягилев» – был заветной недоступной мечтой, открывающей дорогу в рай, усыпанной золотом и бриллиантами, норковыми шубами, шикарными машинами и поездками в Сен-Тропе и Куршевель. Но, как правило, именно такие девушки, мечтающие обо всём и сразу, попадались на удочки ловкачей, вычисляющих их в толпе за долю секунды, видя их долларový свет в глазах. Они уводили девушек в их мыслях так далеко, за такие золотые горы и далёкие горизонты, что мужчине порой ничего не приходилось предпринимать, чтобы в эту же ночь девушка оказалась в его постели. Порой она оказывалась там раньше, чем он мог об этом подумать.

Лара и Константин подошли к бару. Лара заказала себе двойной мартини с водкой, а Костя – ром с колой. Взяв бокал, Костя стал рассматривать девушек. Они тоже ловили его взгляд, но, как только замечали рядом Лару, равнодушно, даже оскорблённо, отворачивались.

– Не разглядывай ты так их! – возмущённо сказала Лара. – Всё равно ни одна тебе сегодня не достанется. Они сюда пришли не за тобой.

– А за кем же?

– Ну, например, за Лёвой. – Лара кивнула в сторону только что поднявшегося по лестнице невысокого полного мужчины в сопровождении двух блондинок.

– Но он уже с двумя!

– Кто мешает ему уйти с тремя или четырьмя? Знаешь, что он тебе ответил бы? «Я могу себе это позволить, мальчик, а ты – нет».

Костя усмехнулся.

– Откуда его знаешь?

– Старый знакомый.

Лёва заметил Лару ещё издалека и обрадовался незапланированной встречи, хотя, догадываясь, что она не будет здесь одна. Но увидев, с кем Лара, зло усмехнулся.

– Ларочка, красавица моя! – Девушки, стоявшие рядом, сразу же напряглись. – Сколько лет... Ты что тут делаешь?

– Работаю, Лёва, что же ещё... раскручиваю новую звезду. – Как только Лара это сказала, девушки сразу расслабились – и уставились на Костю. – Вот, познакомься: Костя, молодой актёр, уже снялся в двух фильмах. Костя очень перспективный. Его пригласили на главную роль, съёмки вот-вот начнутся.

– Да! – Лев оценивающе посмотрел на молодого человека. – Ну что ж, обязательно придём посмотреть на твоё творение. – Лев обратился к своим спутницам: – Насколько я знаю, девочки, Лара всегда была способна даже из бездарности сделать талант. Если хочешь, подходи. Вон там, – Лев показал на второй ярус справа, – зарезервировал столик. Видишь, там сидит мой друг-грузин, такой бородатый и толстый, скучает. – Лара посмотрела в сторону ложи, где сидел мужчина, напоминающий героя кинофильма о мафии. Он пил виски, похотливо рассматривая девушку в бикини, танцующую на подиуме, и иногда обращая внимание на проходивших мимо официанток и посетительниц. – Кстати, а почему ты не занимаешься раскруткой какой-нибудь молодой актрисы? Я бы тебе помог материально.

– Спасибо, Лёва, этого добра у меня хватает.

– Материала? Или «материальности»?

– И того, и другого. Девочек я редко беру, по многим причинам. Большинство из них, как только начинают что-то собой представлять, встречают вот таких богатых котов, как ты. Вы их цапаете, потом платите мне неустойку, но я-то всё равно остаюсь не у дел. Рушится столько проектов, это кошмарно. А с мальчиками легче.

– Да, мало кто из девушек мечтает поступить во ВГИК на режиссёрский. Большинство довольствуется актёрскими курсами, а потом каждая как может применяет свой талант.

– Каждому своё, – усмехнулась Лара. Сейчас она ненавидела Лёву за напоминание о том, чего ей так и не удалось добиться.

– Удачи тебе, Ларочка! Буду отдыхать. – Лев поцеловал Лару в щеку и, хлопнув обеих девиц по задницам: «Цыпочки, пошли вперёд», – стал пробираться сквозь толпу на второй этаж.

Костя удивлённо посмотрел на Лару:

– И что всё это значит, Лар?

– Что именно?

– Да всё! Из бездарности – талант, какие-то две роли мне выдумала, фильм, режиссёрский факультет ВГИКа... Лара, я ничего не понимаю.

– Не понимаешь? – Лара рассмеялась. – Как ты думаешь, почему мы с тобой сейчас тут торчим и делаем вид, что танцуем, а не сидим вон там, в ложе, распивая шампанское?

– Не знаю, просто танцуем. Мне нравится...

– Да потому, что, во-первых, ты никто. И никто тебя сейчас тут не посадит за столик, забронировать который на вечер стоит пятнадцать «штук». Но запомни: если ты сюда в следующий раз придёшь как звезда, если каждая тёлка будет смотреть на тебя и думать, что она тебя хочет, если Паша, пропуская тебя, даже не задумается, есть ли у тебя VIP-карта, то, поверь, ты выиграл. Ты хочешь так жить?

– Да, но Лар, я не понимаю, почему мне так не по себе. У меня какое-то смешанное чувство.

– Потому что ты хочешь иметь всё то же самое, не переступая через себя. А про фильмы я сказала специально. Знаю, что ничего подобного у тебя нет, лишь невнятное предложение от Дины. Она сама ищет деньги, чтобы снять фильм о шансонных буднях, умная баба. Ей студент Литературного института такой сценарий написал – заплатила три копейки. Снимет в нём свою дочь, чтобы обеспечить той будущее. А ложь нужна, – продолжала Лара, посматривая на Лёву, который посылал ей воздушные поцелуи. – Если бы я ничего не сказала, ты бы и остался никем. А сейчас хоть три человека в этом мире пусть на одну секунду, но задумались о тебе как о талантливом актёре – понимаешь?

Костя кивнул.

– И поверь, это уже успех. А фильмы будут. Кстати, ты знаешь, кто этот Лев? Лицо не знакомое?

– Не знаю... вроде бы знакомое, – сказал Костя только для того, чтобы Лара не посчитала его совсем профаном.

– Понятно. Мальчик, тебе нужно не только на актёрском учиться. Это один из самых успешных и крупных продюсеров. У него контакты не только в России, но и Голливуде, и во Франции. Он продаёт контракты наших звёзд за такие деньги, которые тебе и не снились.

– И всё-таки откуда ты его знаешь?

Лара помолчала какое-то время, размышляя, говорить или нет, но потом всё же сказала правду:

– Это мой вечный конкурент.

Костя снова удивлённо воззрился на Лару, ожидая продолжения.

– Только он выиграл. А я перебиваюсь тем, что есть.

– Но и ты неплохо устроилась.

– Ага... – Опустошив бокал, Лара хотела поставить его на барную стойку, но кто-то его взял и протянул полный.

Лара повернулась и узнала недавнего знакомого – Романа.

– Вот так встреча! Смотрю на вас и думаю: вы или не вы? Привет!

– Привет, – ответила Лара. – Развлекаешься?

Тем временем Костя решил отойти подальше и, пригласив какую-то девушку, танцевал, изредка поглядывая на Лару и её знакомого. В голове у него проносилось: «Сколько у неё мужчин, блин... Впрочем, неудивительно».

– С горя – ты же не звонишь.

– Я не звоню? Я не знаю твоего телефона.

– Моя ошибка. Но я-то думал, что ты будешь искать меня по всей Москве, звонить в ресторан, где мы встретились, и спрашивать мои координаты – ведь я там постоянный гость.

– Ресторан такой молодой, а ты уже там старый посетитель. Забавно.

– Всё в этой жизни забавно. Встречаешь девушку, хочешь с ней познакомиться, привозишь цветы, а она перешагивает через них, как через труп, а потом встречаешь её в компании с другим.

– Не смейся. Ревнуешь меня к этому мальчику?

– Да не ревную я, барышня. Еще пара таких встреч – и вы разовьёте во мне комплекс неполноценности.

– Сомневаюсь, что я могу что-то в вас развить. Думаю, у вас уже всё развито.

Роман рассмеялся.

– Шутница. Может, присядем за столик? Скоро подъедет мой друг, Саша. Поговорим.

– К сожалению, не могу. У меня назначена встреча.

– Ещё кого-то из детского сада выгуливаешь? Неужто ты работаешь ночной нянькой, выводя в свет молокососов?

– Даже не буду ничего отвечать. В другой раз, Рома, ладно?

- Что ж, принцесса, поеду тогда заливать горе в «Джи-Кью».
- Думаю, там тебе повезёт.

Роман вышел из клуба и достал телефон: «Привет, Серёга. Чисто сработано. Она здесь в компании того же малолетки... Как только они выйдут, сразу же за ними. Куда поедут, потом мне сообщишь. Я буду в баре с Сашкой».

Увидев, что знакомый Лары ушёл, Костя вернулся.

- Кто на этот раз – режиссёр или нефтяной магнат?

– Костя, это тебя не касается, – ответила Лара, недовольная таким любопытством. – Натанцевался?

Не успел Костя ответить, как к Ларе подошла Дина в сопровождении двух мужчин. Лара предложила пройти за столик. Поднимаясь по лестнице, она заметила, как Лёва с недовольной ухмылкой следил за ними. Но Лару это только обрадовало – очередная возможность продемонстрировать этому гнусному котяре, что она и без его помощи способна заключать выгодные сделки.

С Ларой Дина познакомилась на телевидении и сразу же невзлюбила её за то, что молоденькой вертихвостке доставалось всё – мужчины, деньги, известность. И жрать она могла всё, что хочется, и не толстела. Но как бы она ни относилась к коллеге, работать пришлось вместе. Вот уже несколько лет как Дина сменила профессию и стала снимать музыкальные видеоклипы жанра шансон, пробовала себя в качестве режиссёра полнометражного кино. Зависимость от Лары только увеличивалась – последняя находила ей неплохие заказы, клиентов, спонсоров, помогала с рекламой. Но, несмотря на всю помощь, Лара раздражала Дину – она давно мечтала с ней разделиться, но не знала как, понимая, что тогда придёт конец их деловым отношениям и вернуться на круги своя будет невозможно.

Поэтому Дина довольствовалась тем, что есть, пожиная плоды общения с Ларой. И когда Ольга попросила куда-нибудь пристроить Костю, Дина долго не раздумывала, зная, что и сама может поймать с этого какие-то проценты. От Ольги ей достались дорогие духи, косметика и бесконечные слова благодарности, а от Кости – хороший качественный секс, которого давно не было. Ну а то, что это сын близкой подруги и младше её вдвое, Дину волновало мало.

Через несколько часов встреча подошла к концу, и Лара осталась довольна собой. Договорились, что Костя подъедет в понедельник на пробы, а знакомый бизнесмен Лары согласился спонсировать фильм Дины и Германа.

Лара вышла из клуба под руку с Костей, опьянённая своим успехом. Костя смотрел на неё, не отводя взгляда. Они подошли к машине. Лара открыла дверцу, достала две маленькие бутылки шампанского и попросила Костю их открыть.

- Может, достаточно на сегодня? – заметил тот.

- Хочу отметить наш успех.

- Это благодаря тебе.

– Да-да... Хорошо, что ты это понимаешь, Костя. Но знал бы ты, скольким людям в этой жизни я вынуждена говорить подобные фразы, как часто приходится улыбаться там, где совсем не хочется, как часто приходится общаться с людьми, которые тебе противны, которых ты ненавидишь. Но что поделать, – Лару понесло на откровенность, – это моя жизнь, я сама её выбрала. И другой мне уже не надо. Так что если ты сейчас врёшь, мне всё равно, никакой игры – один холодный расчёт...

– Я не вру. – От сказанных Ларой слов Костя за секунду протрезвел. – Мне не нужен успех, если его не с кем делить.

Он протянул ей бутылку шампанского.

– Любовь... – медленно, полувопросительно произнесла Лара и, помолчав, продолжила: – Да, любовь – это хорошо, это красиво. Но это красиво в шестнадцать лет, когда ты молодая, ещё совсем юная, не знающая жизни. – Лара глотнула шампанского. – И вот появляется он,

взрослый, уверенный в себе, знающий, чего хочешь ты и чего хочет он. Покоряет тебя с первого взгляда, а ты думаешь, что это навсегда... А это «навсегда» заканчивается через год... Тебя разрывает на части от боли, и ты понимаешь, что больше никогда в жизни ни одному мужику не позволишь сделать с собой то же самое. И вот она начинается, эта дорога... Ты выбираешь путь, по которому идти. Одна выбирает затворничество, иногда приводящее к вполне удачному браку с безликим серым существом, которое тебя обожает, а другая начинает топтать мужчин так же, как когда-то топтали её. Ты не согласен? Ведь с мужчинами то же самое. У тебя нет желания отомстить всем женщинам за то, что та, которую ты любил, разбила тебе сердце?

– Нет, – тихо ответил Костя, поражённый услышанным.

Лара взглянула на Костю. От холода и выпитого её била дрожь.

– Нет? Почему?

– Наверное, потому, что я пока ещё не любил...

Лара захохотала. А потом так же неожиданно заревела.

– Лара, Лара, что с тобой? – Костя поднял её на руки и усадил в машину.

– Борис, – сказал он, обращаясь, к водителю, – отвезите её домой.

– А тебя?

– Я сам как-нибудь.

Лара продолжала плакать.

– Нет уж, ещё с тобой что-нибудь случится – она потом с меня три шкуры спустит. Садись.

Сначала Лару отвезём, а потом тебя. Ты где живёшь?

– На Кутузовском проспекте.

– Совсем рядом.

По дороге Лара успокоилась и заснула. Проснулась она только тогда, когда машина остановилась у её дома. Костя и Борис помогли ей выйти.

– Борис, – сказала Лара, придя в себя, – оставайся в машине. Костя мне поможет.

Борис вернулся в машину, а Костя, поддерживая Лару, повел её к подъезду. На крыльце Лара попросила его найти ключи в сумочке. Костя подчинился. Костя открыл входную дверь, включил свет в коридоре и провел Лару в квартиру.

– Ну ты как? – спросил Костя, смотря в её изумрудно-зелёные глаза.

– Зря ты со мной связался... – Лара хотела продолжить, но Костя её прервал:

– Ты тоже зря – я ведь бездарь и полный лох по сравнению с тобой.

– Нет, ты лучше меня, поверь.

Костя хотел поцеловать её, но Лара отстранилась, сделав вид, что зевает.

– Езжай домой. Борис тебя отвезёт. Да, и заberi все свои вещи – пакеты лежат в гостиной. – Лара сбросила на пол меховую накидку, скинула туфли и направилась в спальню.

Костя прошёл в гостиную, взял пакеты с одеждой. Проходя мимо спальни, он увидел лежащую на кровати Лару. Её глаза были закрыты.

Костя вышел из квартиры, аккуратно захлопнув дверь.

Лара проснулась среди ночи, осознавая, что Костя ей очень симпатичен и рядом с ним она ощущает странное чувство лёгкости, новизны и наивной влюблённости, которой давно не испытывала. Однако, подумав, решила, что все эти мысли лучше оставить и не дать им продолжения, потому что ей с ним работать. Хотя, с другой стороны, почему бы не и нет? Разница в возрасте её ничуть не смущала. А всё остальное – вообще ерунда. Ведь она видела, как мальчик смотрит на неё, как боится сказать что-то лишнее, как ревнует ко всем посторонним мужчинам. «Пусть всё идет своим чередом, – подумала Лара. – А время расставит всё по своим местам». Но что-то подсказывало, что развязки осталось ждать недолго.

Глава 8

Был конец октября. Тёплые осенние дни ушли, к Москве медленными шагами приближалась зима, принеся с собой холодные ночи, морозные утра, продувающий насквозь ветер, сильные дожди вперемешку с мокрым снегом. Но на московской жизни это никак не отражалось: она по-прежнему была бурной, яркой, стремительной.

Городские красавицы сменили летние туфли на изящные осенние сапоги и ботильоны, ставшие хитом осенней моды; те, кто обладал авто, всё ещё позволяли себе туфли и лёгкие платья, но были рады, что теперь к ним можно было надеть шубы и тёплые пальто из новых коллекций.

Лару разбудил телефонный звонок. Недовольная она присела в постели. Какое-то время смотрела на звонивший телефон, думая, отвечать или нет. Кто может звонить так рано? Сейчас только восемь утра, воскресенье. Решив, что это очередной рабочий звонок в нерабочее время, ответила сонным голосом:

– Алло...

– Привет, малыш, я разбудил тебя?

Лара услышала в трубке знакомый голос. Она замерла на долю секунды, словно прислушиваясь, действительно ли это тот самый голос или всего лишь сон. Но почувствовав тут же подступившее волнение, страх и внутренний холод, поняла, что не ошиблась, – это был он, тот, кого она меньше всего сейчас хотела услышать и чей звонок она всегда ждала с надеждой.

– С-т-а-с... – еле выдавила она из себя. И в одну секунду вернулась на четырнадцать лет назад, снова став девочкой, встретившей свою первую любовь.

– Как ты, малышка?

– Я? – Лара не знала, что ответить. Ещё секунду назад, до этого звонка, её жизнь была вроде бы счастливой, скорее комфортной и такой, какую многие хотят, а сейчас... – У меня всё хорошо, – ответила она.

– Знаешь, я в Москве. Может, встретимся?

– Да, – ответила Лара, в мыслях тут же возненавидев себя за такую лёгкую уступку.

– Я заеду за тобой в восемь вечера.

– Хорошо.

– Ну пока, малыш.

– Пока.

«Что это было? – спросила себя Лара. – Зачем, зачем он позвонил? В Москве, он снова в Москве и сразу же звонит мне. Зачем я согласилась? Нет, не пойду, никуда не пойду. Зачем он мне нужен – чтобы всё началось снова?! Каждый раз, когда он приезжает, я бегу к нему на свидание, как девчонка. А когда у меня будет муж? – На этих словах она остановилась. – Муж... Разве у меня, разве у такой, как я, может быть муж?

Но как волшебник накрывает куском ткани ящик, виртуозно взмахивает палочкой, проносит магические слова, и ящик исчезает, так и Лара накрыла невидимым покрывалом все свои логические доводы – и они исчезли под невидимой пеленой одной-единственной мысли: «Стас в Москве...»

Лара уже не думала о том, что её жизнь делится на два периода: до встречи со Стасом и после. Что было «до»? Ничего. А «после»? НИЧЕГО.

Весь день её пошел кувырком. Она пребывала в глупом состоянии эйфории, которое больше присуще наивным подросткам. Но именно так Лара себя и ощущала, вернувшись в свои шестнадцать лет. Она растворилась там, в своём прошлом, в собственных мыслях и мечтах.

На встречу она собиралась непривычно долго – так, как собираются молодые девушки на первое свидание. Она долго не могла решить, что надеть, – всё казалось примитивным.

Перебирая платья одно за другим, остановилась на декольтированном в стиле 50-х годов с огромной пышной юбкой, чёрных лаковых туфлях на шпильке и меховой накидке.

В ожидании вечера Лара успела позвонить близкой подруге Жанне и рассказать ей, что Стас в Москве. Жанну эта новость не обрадовала – она помнила, в каком состоянии пребывала Лара после каждой встречи со Стасом. Жанна была единственной близкой подругой Лары. Они дружили ещё с первого класса школы, знали друг о друге всё, ничего никогда не скрывая, между ними не было соперничества или зависти – была настоящая и искренняя дружба.

Но за все эти годы, специально или нет, Жанна видела Стаса лишь однажды. Никто из подруг и знакомых женщин Лары Стаса не знал. Как это получилось, Лара и сама не могла объяснить. Она никогда не скрывала его, боясь чьей-то зависти или соперничества, но почему-то и особенной необходимости в том, чтобы знакомить его с подругами, не видела. Да и Стас не проявлял особого желания познакомиться с кем-то из окружения Лары. Он знал только Елену Петровну, мать Лары, и то мельком. Когда-то он заезжал за Ларой, а мама случайно оказалась дома – представилась возможность обменяться вежливыми «здравствуйте, приятно познакомиться...».

В первый год их московских отношений и возвышенной ослеплённой влюблённости Лара безумно хотела познакомить Стаса с подругами, похвастаться – «посмотрите, какой он...». А когда Стас уехал и возвращался в Москву по делам, совмещая их со страстными встречами с Ларой, ей стало важно, чтобы время принадлежало только им двоим. И если они выбирались вместе в театр или кино, Лара воровато оглядывалась, чтобы не попасться на глаза знакомым.

Лара то оптимистически, то настороженно говорила обо всём этом с Жанной, вспоминая, казалось, такое недавнее прошлое. Смеялась, перебирала платья, расставляла баночки с косметикой на столе, отчего воздух наполнялся сладковатым пудровым ароматом. Но тут же на минуту замирала и, словно обращаясь не к Жанне, а к своему внутреннему голосу, спрашивала: «Не стоило соглашаться, да?» Лара говорила, что боится этой встречи. Зная натуру подруги, Жанна не пыталась её разубедить – это было бесполезно. Так происходило всегда: сколько бы Лара ни пыталась убедить себя больше не встречаться с этим человеком, ибо он принёс ей только несчастье и боль, словно слепая, она шла на свидание, и никто и ничто не могло её остановить. Ей было всё равно, правильно она поступает или нет, но какая-то невидимая сила тянула к нему. Лара даже не знала, хочет ли, чтобы всё это когда-нибудь изменилось, чтобы притяжение утратило свою силу.

Стас позвонил в восемь пятнадцать, в тот момент, когда Лара уже решила, что он передумал. Она знала, что Стас так делает всегда, но каждый раз думала, что встреча не состоится.

Лара, как бабочка, выпорхнула из подъезда и, улыбаясь, села в машину Стаса. В этот момент он разговаривал по телефону. Взглянув на неё, за одну секунду он понял, как она волнуется и рада встрече, и продолжил говорить по телефону:

– Да, отлично, покупай. Только спроси, дадут ли они нам ещё десятипроцентную скидку, если мы купим, допустим, на тысячу штук больше. Если да – отлично, тогда плати сразу, если нет – мы будем платить в рассрочку два года. Теперь извини, я очень занят, не могу больше говорить.

Он отключил мобильный телефон и повернулся к Ларе:

– Привет, красавица. Отлично выглядишь! – Стас не врал. Увидев Лару в машине, он с трудом сдержал себя, чтобы не показать мгновенной радости. «С каждой встречей она становится всё красивее», – подумал он.

– Спасибо. Чем же ты так занят? – спросила она и уловила его взгляд, такой, каким его помнила всегда, – как охотник смотрит на свою добычу.

– Вот этим, – произнёс Стас, и Лара ощутила поцелуй на своих губах. Стас целовал её долго и жадно, так что она забыла обо всём на свете, снова подчинившись тому, что происхо-

дило между ними. Ей казалось, что никого, кроме него, не было, что всегда был только он один и только его одного она любит.

Стас остановился и улыбнулся Ларе, посмотрел ей в глаза. Его взгляд был влюблённым, проникновенным, но в то же время далёким.

– Ну, как ты тут? – спросил Стас.

– Говоришь словами из песни.

– Не знаю такой.

– Конечно, ты же живёшь не в Москве, а в своей американской деревне.

– Ты совершенно не изменилась, Лара! – Стас включил двигатель, машина тронулась с места. – Куда поедет?

– Давай на Большую Никитскую, там есть очень уютный ресторан. Тебе понравится.

Как это часто бывало с ними, общение ушло в сторону прошлого:

– Сколько мы не виделись, Лар?

– Последний раз ты был в Москве в феврале две тысячи пятого. Я отдыхала в Подмосковье, когда ты позвонил. Мы провели с тобой чудесные два дня...

– Я помню... Подожди, мы же потом в том же году ещё в сентябре виделись на кинофестивале.

– Да, пять часов в Венеции. – Стас не смог уловить тон, каким она это сказала, – то ли недовольна, то ли, наоборот, рада. – И снова Москва, Лара...

И оба подумали совершенно о разном, оба чувствовали, что нужно что-то менять, но как – Лара не знала, а Стас не понимал – зачем. «Как мало», – подумала Лара. «Недовольна, – решил Стас. – А на самом-то деле не так уж плохо – четырнадцать лет...» Они посмотрели друг на друга, чувствуя радость новой встречи, магнетизм, но уже после нескольких минут близости со Стасом Лара начала думать, что скоро он опять уедет. «А были бы вместе, – как оправдание, Стас находил доводы правильности их отношений, – давно бы надоела, разошлись бы... А так она всегда такая разная... Растёт девочка».

Он вспомнил Лару, какой встретил её впервые – ничего, кроме того же взгляда, не осталось. Подростковая худоба сменилась на изящную точеную фигуру с красивыми округлыми бёдрами, тонкой талией. Огненно-рыжие обычно растрёпанные волосы теперь были аккуратно уложены, спадая на плечи роскошными локонами. Ему всегда нравились её волосы, нравилось прикасаться к ним, убирать выбивающиеся пряди, держать её лицо в ладонях близко-близко и целовать. В этот момент он знал: Лара была вся его, принадлежала ему.

Дальше ехали в молчании, каждый думал о своём. И Стас обрадовался, когда Лара сказала: «Здесь сверни, приехали».

Машина остановилась возле особняка старой московской постройки, въехала во внутренний двор. Ресторан находился в подвале, оформленном на манер погреба. Лара и Стас спустились по лестнице и прошли в небольшую комнату, где стояли только три столика. Они сели за тот, что был ближе к камину.

– Так, что нового в Москве? Что модно? – спросил Стас, листая меню.

– Ты хочешь знать? Модно быть молодым, богатым, чтобы была блондинка жена, ухоженная до невозможности и тонкая, как модель. В идеале – настоящая модель, в любовницах держат противоположность – брюнетку из какого-нибудь Ростова без образования и притязаний, которая в отличие от жены хорошо делает минет. Жену выводят в свет для демонстрации своего престижа, с любовницей спят где-нибудь на юге Москвы, конечно, в неплохо обставленной квартире. Другая противоположность – когда ты лет в двадцать женился на девушке из своего института, сейчас у тебя трое детей, и ты не знаешь, что делать с этой разжиревшей страхолюдиной, боясь показаться с ней в гостях. Тогда любовница – дорогая, но расходов больше, потому что приходится тратить и на жену, чтоб она не ощущала себя обделённой вниманием.

– А ты стала циничнее, чем раньше.

– Жизнь меняет людей.

– Откуда такие познания?

– Поживи в Москве – поймёшь.

– А я думал, что ты слишком много общалась с Лёвой.

– Брось, ты всё ещё ревнуешь к нему? – Похоже, Стас так и не мог простить ей романа с Лёвой. Хотя они тогда уже расстались, и Лёва был что-то вроде утешения. – И потом ты сам меня с ним познакомил – порекомендовал обратиться за помощью, когда я хотела поступить на режиссёрский.

– Нет, конечно, всё это в прошлом. Я был уверен, что между вами что-то будет. Лев никогда не пропускает красивых девушек.

Это прозвучало так, словно Лев «пропускал» всех девушек через себя.

– Ты расстался со мной. Для меня всё было разрушено. – На глазах Лары показались слёзы, но, совладав с собой, она сказала, что ей нужно уйти в дамскую комнату.

Встала, ушла и уже там дала волю слезам. Она вспомнила о том ужасном годе, когда Стас уехал в Америку, а она осталась одна с мечтами о нём и желанием поступить на режиссёрский факультет ВГИКа.

За несколько дней до отъезда Стас познакомил её с Левой. Тот, обещая помочь, пригласил в дорогой ресторан, где за ужином и слова не было сказано про учёбу. С режиссёрским факультетом ничего не вышло, Лара провалила экзамены. Она обвинила в этом Льва, потому что все задания выполняла по его указаниям, хотя сама была против. У неё были свои идеи относительно сценариев, но Лёва отверг их, сказав, что они бездарны и не будут интересны. После провала Лара отчаялась: она не знала, что делать. Тогда Лев предложил ей поступить на продюсерский факультет, который сам же курировал, часто набирая оттуда себе «молодые таланты». Ларе это показалось каким-то выходом из положения.

В августе она уехала отдыхать вместе с Лёвой на Капри, затем был Венецианский кинофестиваль, с которого она вернулась более уверенная в себе. Но через год эта уверенность снова исчезла. Проект, над которым работала Лара весь год, – продюсирование фильма начинающего вгиковского режиссёра, Лев посчитал провальным и забраковал. Уже тогда в их отношениях всё трещало по швам, и Лара, не скрывая злости, бросила и Льва, и ВГИК, уйдя в свободное плавание по океану шоу-бизнеса. Каково же было её удивление, когда через месяц она услышала по радио о начале съёмок именно того фильма, которым занималась. Через год фильм вышел на экраны, в титрах Лара не значилась.

Тогда она работала на киностудии, снимавшей сериалы. Большую часть времени Лара проводила на работе, лишь изредка общаясь с друзьями, заводя ничего не значащие романы. Она занималась не только продюсированием, а всем, что было интересно: иногда заменяла заболевших статистов, мелькала в незначительных эпизодах, была ассистентом режиссёра, участвовала в написании сценариев. Всё это дало ей богатый опыт и укрепило желание когда-нибудь попытаться вернуться во ВГИК, осуществить свою мечту, которая была убрана на дальнюю полку. Работа Ларе нравилась, приносила неплохой доход, но она понимала, что это мелкий корм по сравнению с прибылью от полнометражного фильма.

Через пару месяцев после выхода фильма Лёва появился снова и предложил сотрудничество. Поначалу Лара послала его подальше, но потом согласилась, сообразив, что потеряет деньги и бесценный опыт. Два года спустя она открыла свой продюсерский центр – не без помощи Лёвы, которому до сих пор принадлежали двадцать восемь процентов её компании. Лара не раз пыталась выкупить его долю, но Лёва не соглашался.

Щедро покрыв лицо пудрой, скрывшей следы слёз, но не утяжеляющей макияж, Лара подкрасила губы и как ни в чём не бывало с очаровательной улыбкой вернулась к столику.

– Ты такая красивая, Лара, – сказал Стас, любуясь ею. И, заметив, что зрачки блестят, подумал: «Неужели плакала?»

– Разве это так важно?

– Для женщины, думаю, да. Впрочем, любому мужчине приятно иметь рядом красивую женщину.

– Как украшение, да?

– Опять твой цинизм. Осталось ли что-нибудь ценное?

– Самое ценное – это любовь, здоровье, доверие, друзья... Думаю, всё это есть в Москве, но в таком ограниченном количестве, что это кажется неправдой... Так что давай не будет об этом говорить.

– А о чём?

– Не знаю. Как твой бизнес?

– Хорошо. А твой как?

– Тоже неплохо. Раскручиваю сейчас молодого актёра.

– Перспективный?

– Да.

– У тебя есть хоть какие-нибудь основания-то верить в успех?

– Да, моя собственная уверенность.

– Звучит как явный блёф.

– В любом деле может быть прокол. Если на него посмотреть со стороны, ну что из него будет – актёр в массовке... Но понимаешь, мальчик оказался в удачное время в нужном месте.

Стас громко засмеялся, но ему не понравилось, что Лара общается теперь с ним на равных. Ещё десять лет назад Лара смотрела ему в рот, ловя каждое слово, каждую букву, и всё это казалось ей Библией, законом, по которому надо жить. Он был её учителем, а сейчас она пытается учить его. Она рассказывает ему что-то, чего он не знает. И дело даже не в том, что он живёт в Лос-Анджелесе, а она – в Москве, а в том, что теперь она стала другой. Ущемлённым от этого он себя не чувствовал, но понимал, что с каждым годом Лара становится всё менее зависимой от него, даже если сама того не замечает.

– Мне здесь нравится. Очень камерная обстановка, – сказал Стас.

– Поэтому я и выбрала этот ресторан, чтобы никто не мешал.

– Ты хочешь сказать, что обычно бываешь тут на интимных свиданиях?

– Не пытайся быть столь проницательным, у тебя это не получится.

– Разве тебе есть что скрывать от меня?

– Брось, сомневаюсь, что тебе будет приятно слышать о моих мужчинах.

– Мне всё равно.

– Другого ответа я от тебя не ожидала. – В это мгновение зазвонил Ларин телефон. – Извини.

– Конечно.

– Алло. – Номер звонившего Ларе был незнаком.

– Привет. А ты сердцеедка. В клубе молоденький мальчик, сегодня совершенно другой мужчина и обещанное свидание мне. Лара, разве так можно? Ты разобьёшь мне сердце.

– Рома, неужели это ты?

Услышав это имя, Стас напрягся. Неприятно было слушать, как она разговаривает в его присутствии с другим. Одно дело – говорить с ней о ком-то, а другое – понимать, что сейчас этот кто-то звонит и она отвечает на звонок. Значит, кто он, Стас, для неё? Она всегда

посвящала время только ему, а теперь появился кто-то ещё, с кем она разговаривает. Да и кто этот Рома? Стас почему-то всегда был уверен, что Лара будет ждать его всю жизнь. Ему это очень льстило, хотя Стас не особенно верил в глубину Лариных чувств, считая её любовью легкомысленной. В то же самое время он никогда не мог отказать себе в удовольствии позвонить Ларе и предложить встретиться, зная, что она побежит к нему по первому зову. Он играл ею как легкодоступной любимой игрушкой, это забавляло и раздражало его одновременно. Он даже не пытался разыгрывать влюблённого мужчину, зная, что всегда одержит верх над ней. И как бы Лара ни пыталась изменить их отношения, у неё ничего не получалось.

Однажды он задумался: что будет, если она встретит кого-то и полюбит так же сильно? Но в ту же минуту Стас уверил себя в том, что такого никогда не произойдёт и даже если она кого-то встретит, то никогда не сотрёт телефон Стаса из своей записной книжки, и они по-прежнему будут общаться. Хотя, по правде, он надеялся держать её в качестве постоянной московской любовницы всю жизнь – скорее всю Ларину жизнь, до тех пор, пока не станет противно с ней спать и появляться в обществе. По его холодному подсчёту, в запасе было ещё минимум лет пятнадцать нормальной жизни.

– Да я, красавица. Хороший ресторан.

– Ты здесь? – Лара огляделась, думая, что Рома стоит где-нибудь в холле, потому что в комнате, где они ужинали со Стасом, никого больше не было.

– Нет.

– Откуда ты знаешь, что я в ресторане?

– Догадался.

– Подожди, но откуда ты знаешь, что я не одна?

– Лара, ну как такая красивая женщина может быть вечером одна?

– Слишком лестно.

– Это же правда. Красивая женщина, в красивом вечернем платье, дорогой шубе, туфлях на каблучках, от неё пахнет роскошными духами, её глаза горят.

– Рома, – почти умоляюще сказала Лара, – перестань. Ты где-то тут? Выходи!

– Не выйду! – Он рассмеялся. – Ты помнишь, это фраза из фильма.

– Нет. Но где же ты?

– Ай, я так драконю тебя.

– Видел меня и не подошёл поздороваться.

– Да, я видел тебя в моих мыслях, красавица, в моих мечтах. И ты мне казалась сказочной феей, выплывшей из-за облаков, поэтому мне так легко всё представить. Но всё-таки сейчас не об этом. Что ты делаешь сегодня вечером?

– Уже вечер.

– Хорошо, что ты делаешь ночью? Можно тебя украсть?

– Нескромный вопрос. Впрочем, я занята.

– То есть тебя уже кто-то украл на эту ночь?

– Или я кого-то.

– Так ты охотница?

– Да, бываю иногда.

– Когда же будешь охотиться на меня?

– Не знаю, у меня всё расписано.

– Найди время, пожалуйста, а то я украду тебя сам.

– Рома, это смешно.

– Лара, я серьёзно. Когда мы сможем увидеться?

– Давай попробуем на следующей неделе. Я тебе позвоню.

– Отлично. Хорошего вечера, красавица. Не сомневаюсь, что он будет особенным.

– Спасибо, я тоже не сомневаюсь.

– Такая уверенность мне нравится.

– Пока.

Лара положила трубку. Стас уловил в её взгляде удовлетворение собой, но не сказал ни слова. Несколько минут они молча сидели, глядя друг на друга.

– Это так, один знакомый, звонил поздороваться.

– Мне это неинтересно.

– Я знаю. Мне тоже всё равно – это же просто знакомый.

«Если женщина называет мужчину подряд „просто знакомым“ значит ли, что это не так?» – подумал Стас и удивился самому себе.

– Понимаешь... – Лара начала словно оправдываться перед Стасом, видя его равнодушное выражение лица и принимая это за глупую ревность. – Он никто. Я познакомилась с ним в ресторане, а про тебя я ничего не стала ему говорить. Зачем я буду объяснять постороннему человеку, кто ты и как много для меня значишь? Было бы смешно, если бы я начала объяснять ему мои чувства к тебе. Ты прекрасно знаешь, что я могу сказать любому человеку на этой планете, как сильно люблю тебя.

Стас сидел с невозмутимым лицом. Этот бред он слышал уже в миллиардный раз и эти слова были так же пусты, как и безразличны ему. А Лара, говоря всё это, понимала, что с каждым годом слова даются ей всё тяжелее. Словно язык деревенел, когда она заговаривала со Стасом о своих чувствах. Когда ей было шестнадцать, она могла кричать о своей любви на любом углу, где угодно. Ей хотелось, чтобы весь мир знал о её чувствах. А сейчас она понимала, что весь мир умещается только в нём одном – Стасе, но именно до него не было возможности докричаться. Достаточно было одного взгляда Стаса, пресыщенного, но в то же время желающего, чтобы она прекратила говорить и покорно склонила голову. В глазах Лары снова показались слёзы. «Боже мой, – подумал Стас, – ну к чему эта комедия? Давай, детка, поехали в наш любимый отель. Довольно на сегодня сантиментов. Я просто хочу трахаться».

– Стас, я знаю, что ты любишь свободу, независимость, но объясни мне, пожалуйста, неужели ты никогда не думал, что в один прекрасный день можешь остаться один?

– Хм... – задумался он. «Этим меня не возьмёшь, дорогая. Слишком лёгкий заход». Стас решил, что Лара просто хочет сыграть на его чувствах. – Думал, конечно, но где гарантия, что тот, кто любит тебя в начале пути, будет так же любить в конце? И будет ли всё это искренне?

– Ты не хочешь жениться, потому что боишься корысти?

– Лара, я вообще не говорил, что хочу жениться, я не собираюсь жениться.

– Да, я знаю. Но ведь бывает, что люди меняют свои принципы.

– Это не принцип, это просто нежелание. – Внезапно Стас подумал, что, наверное, не стоит так резко ломать её надежды на будущее, ведь таким образом он может сломать своё собственное, ближайшее – сегодняшнюю ночь. И после недолгой паузы сказал: – Печать в паспорте – это не главное. Думаю, ты согласишься со мной: чтобы жить вместе, она не нужна.

Стас рассчитал всё правильно, и это подействовало. В глазах Лары появился огонёк надежды, той за которую она цеплялась каждую их встречу.

Через какое-то время Стас попросил счёт. Они вышли из ресторана, сели в арендованную Стасом машину и поехали в сторону Тверской.

Лара предложила прогуляться. Стас припарковал машину в одном из переулков. Было начало одиннадцатого. Стас шёл торопясь и ежась от холода, Лара наслаждалась прогулкой. Она шла и чувствовала на себе взгляды прохожих, думая, что женщины завидуют ей, потому что с ней рядом был самый красивый, самым обаятельный и лучший мужчина на свете. Во всяком случае, так казалось Ларе. Однако нужно сказать, что Стас действительно был красивым мужчиной: высокий загорелый брюнет с греческим профилем. В его тридцать девять лет он выглядел на «чуть за тридцать». Стас поддерживал себя в форме благодаря любви к сёрфингу,

йоге, кун-фу и ежегодной двухнедельной травяной диете. Он обладал достаточно хорошим вкусом в выборе одежды и пристрастием к дорогим итальянским маркам.

Они дошли до отеля «Националь». Лара остановилась, обняла Стаса и, поцеловав его шею, сказала:

– Обожаю этот отель. Мне иногда кажется, что мы так и проведём всю жизнь в нём: ты будешь приезжать, а я буду тебя ждать. В этом есть какая-то романтика. Мы как будто двое любовников, встречающихся украдкой.

– Да, – проговорил Стас.

Потом посмотрел на неё – её взгляд показался ему таким же детско-влюблённым, как тогда, когда ей было шестнадцать лет. Стас подумал, что в эту минуту лучше уйти, сделав ей в последний раз больно, разорвать всё навсегда. Но её тело было так близко, доступно, незащищено и по-прежнему манило к себе. Стас понимал, что в очередной раз, получив всё, он не оставит ей ничего. «Зачем мне это нужно? – размышлял он. – Потом она будет писать письма, полные воспоминаний о прошлом, какой-то возвышенной непонятной любви, мечтать о следующей встрече...»

Лара тем временем говорила, что ощущает себя будто в кино.

Стас посмотрел на неё снова.

– Девочка моя, – прошептал он, склоняясь над её ухом, и поцеловал её волосы, шею.

– Пойдём. Чувствуешь, как я вся дрожу, и вовсе не от холода, – сказала Лара. – А завтра давай ко мне. Позавтракаем вместе?

– Позавтракать? Лар, не получится – у меня самолет через несколько часов.

– Через несколько, это во сколько?

– В четыре утра. Я должен быть в аэропорту в два.

– Что? Стас, и ты весь вечер молчал об этом? Как ты мог? – Она ударила его по руке.

– Лара, я был так очарован тобой, что просто забыл о времени.

– А сейчас ты хотел со мной переспать и потом спокойно сказать: «Собирай вещи, мы уходим...»? Стас, я что, девочка по вызову?

– Нет, прости. Ты же знаешь, я смотрю на тебя и теряю голову. – Он обнял её и почувствовал, что она плачет.

– Господи, ну почему же ты всё время делаешь мне больно?

– Лара, извини, я не должен был тебе звонить. Я не хотел звонить. Я уже пять дней в Москве, работал, но каждую минуту думал о тебе. Знал, что не надо тебя тревожить, что всё это лучше оставить в прошлом, но меня тянет к тебе как магнитом. Я не могу не звонить тебе, когда сам в Москве.

– Когда ты в Москве... – повторила Лара. Вот оно, название «московская любовница», и так, наверное, будет всегда.

– Лара, если не хочешь, пойдём куда-нибудь выпить. – Лара взглянула на него и поняла: он врёт. Вовсе не этого ему хотелось, но и не секса на одну ночь. А чего тогда?

– Нет, я хочу. Я хочу, чтобы этот вечер закончился волшебным и я ни о чём потом не жалела. Хотя... Да, давай, выпьем что-нибудь у тебя в номере, – с акцентом на слове «выпьем» произнесла Лара.

– Что ты хочешь? Шампанского?

– Нет, лучше виски. Шампанское слишком лёгкое, его не пьют, когда так тяжело.

– Лара! – Стас обнял её.

В час ночи Лара выбежала из отеля, по её лицу текли слёзы. Она слышала, как Стас пытался догнать её, крича «Лара, Лара!», но не остановилась и не обернулась. Лара поймала

такси, быстро села в машину и поехала домой, где, выпив виски и выкурив несколько сигарет одну за другой, легла в кровать. Но заснуть ей не удалось – она постоянно думала о Стасе.

Глава 9

Ночью раздался звонок в дверь. Что-то в последнее время эти неожиданные звонки стали слишком частыми, подумала Лара. В какую-то секунду она готова была броситься к двери, думая, что это Стас, который передумал уезжать и решил остаться с ней. «Надолго ли? – пронеслась мысль, но Лара тут же охладила себя разумным объяснением, почему он мог вернуться. – Наверное, рейс отменили. Ну и пусть, ещё один день, – оправдала она себя. – Прожгу всё, а потом буду собирать себя по кусочкам».

Кто-то продолжал настойчиво звонить в дверь. И Лара поняла, что, скорее всего, ошиблась, Стас никогда так не сделает – ему не свойственны эти безумные порывы, когда не разум, а эмоции берут верх. Он всегда с лёгкостью уезжал и с такой же лёгкостью возвращался, как будто и не было ничего.

«Так кто же это? – недоумевала Лара. – Почти три часа ночи. Не жди ничего хорошего, подруга». Она накинула халат и направилась к двери. Посмотрев в глазок и увидев, кто стоит за дверью, подумала: «Может, не открывать?» Но это была плохая идея, потому что «она наверняка видела свет в окнах».

– Мама! Какими судьбами?! – воскликнула Лара, пытаясь сделать вид, что появление Елены Петровны – приятная неожиданность.

На пороге стояла женщина в белоснежном норковом жакете, чёрных брюках-капри и высоких чёрных лаковых сапогах на тонкой шпильке, подчёркивающих стройность ног. В одной руке она держала тёмно-коричневый чемодан с монограммой «Louis Vuitton», а в другой – сигарету.

– Привет, Лар! – сказала Елена Петровна, улыбнувшись и послав дочери воздушный поцелуй. – Я к тебе – поругалась с Марком.

– Мама, заходи, – пригласила Лара, когда Елена Петровна уже почти зашла в коридор. Женщина поставила чемодан возле стены и начала расстёгивать жакет, не выпуская из пальцев сигарету. – Ну почему, когда ты поссоришься с очередным любовником, прибегаешь ко мне? Чем тебе плох твой дом?

– Ах, Лара, дочка, в Швейцарии так скучно. И потом... эта квартира тоже мой дом. Я жила здесь с твоим отцом. Впрочем, сейчас не об этом. Ты знаешь, они вообще там не пьют, эти старушки. Играют в бридж и смотрят на меня с презрением. Я не могу сидеть два часа на одном и том же месте, ну разве что на... Ну ты понимаешь, о чём я.

Лара неприятно поморщилась.

– Не будь занудой, тебе уже не пятнадцать, я могу с тобой шутить на подобные темы.

Лара следила, как Елена Петровна уверенной походкой прошла по коридору, мельком заглянула в спальню, затем в гостиную, там присела на диван и критическим взглядом окинула комнату, словно пытаясь понять, а одна ли Лара.

– Ни сигареты, а говно какое-то, – Елена Петровна достала карманную пепельницу, потушила сигарету, но тут же закурила новую, – купила целый блок в Шереметьево. Слушай, ну и таможенники у вас... раньше у меня был дипломатический паспорт и меня проводили через специальный коридор, без каких-либо досмотров. А сегодня кошмар, очереди, дети орут... и всем плевать на то, что я устала.

– Мама, ты только о российской таможне хотела поговорить? У тебя ещё какие-то проблемы? Тебя лишили привилегий в спа или гольф-клубе?

– Лара, ну что ты так сразу с порога... Лучше дай мне водки с мартини.

– Мама, ты приезжаешь ко мне в три часа ночи и просишь, чтобы я тебе готовила коктейль, пока ты наберёшься храбрости сообщить, что у тебя случилось.

– Лара, не будь такой. У тебя тоже проблемы, дочка?

– А у кого их нет? – отрезала Лара и отправилась на кухню делать коктейль.

Принеся коктейль, Лара подала бокал матери и, внимательно посмотрев на неё, села в кресло напротив.

– Ты опять блондинка.

– Да, ты же знаешь, это мой натуральный цвет.

– Мам, я с трудом помню, что ещё натурального у тебя осталось. Ты опять делала подтяжку на лице?

– Да, совсем немного. Ты же знаешь, в Швейцарии отличные пластические хирурги, всё делают идеально.

– Ты мне это говорила десять лет назад, и тогда всё было действительно идеально, а сейчас ты похожа на куклу Барби. Ты подседа на эти подтяжки, как на наркотик.

– Нет, Лар, что ты... Я делаю их так, от случая к случаю, когда вижу, что время приходит.

– По-моему, оно у тебя приходит каждые полгода. Я от тебя получаю по двадцать е-майлов в неделю о новинках пластической хирургии и косметологии, и каждый раз ты уверяешь меня, что всё это безопасно и работает долгие годы. Так почему ты делаешь их часто? Тебе некуда девать деньги бывшего мужа? Отдай их мне.

– Если бы некуда было их девать... ага.

– Что? – Лара уловила во взгляде матери тот страх и нерешительность, который появлялся всегда, когда у Елены Петровны случалось что-то, чего она не могла предвидеть и изменить. – Что случилось, мама?

– Лара, я не хочу об этом говорить сейчас. Я же с дороги, устала. Давай лучше пойдём спать, а завтра я тебе всё расскажу.

– Завтра у меня куча работы, и слушать тебя не будет времени, так что выкладывай всё сейчас – или жди до следующих выходных.

– Нет, в следующие выходные уже будет поздно.

– Что! – строго сказала Лара, словно приказывая матери говорить всё немедленно.

– Ты понимаешь, Марк решил открыть собственный бизнес, ну и ему понадобились деньги. Он взял кредит в банке под залог моего дома... то есть я взяла кредит на своё имя под залог дома.

– Мама, ну как ты могла так поступить? Что за глупости в твоём возрасте?

– Но Марк показал мне бизнес-план. Его проект должен был окупиться очень быстро. Он обещал мне вернуть всё деньги, даже с процентами. Мы ведь живём вместе... то есть жили.

– Что значит «жили»? Ты его выгнала?

– Нет, он сам уехал. Оставил мне письмо, в котором просит его не винить, что он не может мне смотреть в глаза после того, как разорил меня.

– Как это «разорил»?

– Банк потребовал деньги назад. Естественно, у Марка их не было, у меня на счетах тоже не так много. В общем, они продали дом с аукциона, плюс мне пришлось продать несколько картин Влада, которые он коллекционировал. Ты же знаешь, мой бывший муж всегда покупал дорогие картины. Уже несколько раз они меня спасали – вот и сейчас.

– Боже мой, мама, как это могло случиться? Как?!

– Вот так, дочка. У меня почти ничего не осталось.

– Кошмар, какой кошмар! И где этот идиот теперь?

– Не говори о нём так – всё-таки он меня любил.

– Да твой Марк пройдомец. Я уверена, что он проделал какую-то аферу и забрал все денежки. Он обыкновенный альфонс и аферист.

– Нет, не может быть, я в нём уверена. Мы прожили вместе три чудесных года.

– На твои деньги. Да так, что ты лишилась дома. Где ты теперь будешь жить?

– У меня осталась московская квартира – та маленькая, двухкомнатная на Смоленской.

– Эта конура...

– Дело даже не в этом, понимаешь... – Мать сделала паузу. – Оказалось, что у Марка остались незакрытыми многие кредиты, а все они были на моё имя – я просто не в силах за них заплатить. Я звонила кое-кому из старых друзей, но они не хотят меня слышать.

– Ещё бы! Ты со всеми своими мужиками обращалась как с игрушками и бросала их беспощадно. Удивляюсь вообще, как ты ещё с Владом так долго жила, тем более что он был в курсе относительно твоих походов.

– Лара, хватит корить меня. У меня одна жизнь, и я хочу прожить её так, как мне хочется. Я довольно настрадалась в детстве, чтобы отказывать себе в чём-то в зрелом возрасте. Ты, моя дочь, вместо того чтобы помочь мне и посочувствовать, говоришь, что вся моя жизнь была сплошной ошибкой. А она такой не была – она просто была другой.

– Как ты могла получать удовольствие от того, что жила с одним мужчиной и параллельно спала с другим, а то и с третьим? В чём прелесть, мама?

– Ха-ха, – рассмеялась Елена Петровна. – Я спала только с теми, за кем не была замужем. – Но, заметив недовольное лицо Лары, перестала смеяться и добавила серьёзно: – Окажешься в моей ситуации – поймёшь.

– Не очень бы хотелось. Предпочитаю оставаться в неведении.

– Не строй из себя святую!

– Когда дело доходит до серьёзных чувств, надо сразу решать, с кем ты хочешь быть, и не разрываться на части.

– А если это невозможно? Влад давал мне всё: любовь, деньги, нужные связи. А с другими у меня был отличный секс.

– Мама, не хочу слышать об этом. Теперь ты сама видишь, к чему всё это привело.

– Хочешь сказать, что я сама во всём виновата?

– Да. Кто же ещё, как не ты?

– Я жертва обстоятельств.

– Ты жертва собственных жертв и своих же страстей и пороков.

– Такие громкие слова. Бред. Лара, скажи, где мне достать денег?

– Не знаю. Заведи срочно нового богатого любовника. Ты приехала по адресу – в Москве их много. Только одна проблема: шестидесятилетние тут не котируются, это не в моде. Хотя тебе, мама, под силу всё изменить. Не удивлюсь, если через полгода наши олигархи побросают своих молодых любовниц и переключатся на старушек – вот будет забавно.

– А ты стала жестокой.

– Забавно, только недавно слышала это от Стаса.

– Неужели Стас приезжал в Москву? – с сарказмом поинтересовалась Елена Петровна.

– Да. – Лара поняла, что лучше было этого не говорить, потому что Елена Петровна знала, что это болезненное место Лары.

– И после этого ты говорила всю эту проповедь, Лара. Да чем ты лучше? Ты бежишь к своему Стасу каждый раз, когда он приезжает в Москву, спишь с ним, и он уезжает, удовлетворённый, а ты сидишь оплётанная. Почему ты не можешь сказать ему «нет»? Он женится на другой, а ты всё равно будешь спать с ним.

– Он не женится, мама, ты знаешь.

– А если? И тебе будет плевать, женат он или нет. А сама выйдешь замуж, станешь делать то же самое, ещё с большим наслаждением: «Ах, я не вышла за Стаса замуж, я отдала свою руку другому, но зато его я люблю». Ты же не Татьяна Ларина!

– Мама, прошу тебя, перестань, мне и так больно.

– Тебе больно? А мне не больно слышать подобные упреки от единственной дочери? Я прошу у тебя помощи, совета, сочувствия и готова посочувствовать тебе, а что слышу?

Услышав все эти слова, Елена Петровна на какой-то момент вернулась в то время, когда с Ларой у неё имелись разногласия. Она всё ещё не могла смириться с тем, что Лара живёт сейчас своей собственной, взрослой жизнью и теперь они на равных.

– Лара, Лара... – Она посмотрела на дочь. – Ведь я желаю тебе только добра.

– Добра? Мама, я помню, что произошло в последний раз, когда ты мне желала добра. Теперь благодаря этому я не могу иметь детей!

Мать взглянула на неё.

– Ты всё ещё помнишь это?

– Всё ещё?! Я всё ещё это помню?! Ты схватила меня за руку и привела к своему врачу, даже не спросив меня, хочу ли я делать аборт. А я не хотела!

– Что же ты тогда мне не сказала об этом? Всё-таки тебе шестнадцать лет было...

– Вот именно, шестнадцать! Кого мне было тогда ещё слушать, как не тебя. Ничего не объясняя, ты всё решила за меня, посчитав, что так будет лучше для нас обеих.

– Но так было лучше. Что бы ты делала одна с ребёнком на руках?

– Родила бы его для себя.

– В качестве чего, игрушки? В шестнадцать лет девочки понятия не имеют, что такое ребёнок. А это бессонные ночи, кормление, страх...

– Но и счастье же, мам. Неужели, ты не была рада моему появлению?

– У меня был твой отец. – Елена Петровна задумалась. Где-то она понимала, что рассуждать так неправильно, особенно спустя годы, как Юрия не стало. Ведь сейчас Лара – единственное, кто напоминал о нём. Иногда Ларе стоило засмотреться в сторону, задуматься – и она становилась во всём похожей на отца. Не внешностью, а именно этой глубиной сосредоточенностью. После смерти Юрия, Елена Петровна долго не могла понять, что делать в жизни, в том числе, что теперь делать с ребёнком. Ни с малышкой, доченькой, Ларочкой, звёздочкой, как её называли дома, а именно с ребёнком. Лара была долгожданной для отца. Материнский инстинкт у Елены Петровны не отсутствовал, но был потухшим. Начал расцветать к концу первого года жизни Лары, но со смертью мужа – исчез и никогда не вернулся. Елена Петровна растила Лару ни как дочь, а как человека, живущего с ней под одной крышей, который по воле случая, зависит от неё. Поэтому и понять восторг Лары по поводу незапланированной беременности не могла. Елена Петровна ни думала о каком-то другом более правильном разрешении лариной проблемы, чем аборт. Сейчас? Лара явно дала понять, что жалеет об этом, и, видимо, держит на неё обиду. По своей натуре, Елена Петровна не любила оправдываться в содеянном, но в этой ситуации, даже не представляла, как это сделать. Поэтому и не нашла ничего другого, кроме, как сказать, – А Стас на тебе никогда бы не женился!

– К чёрту мама, мне всё это надоело! Я, конечно, не могу тебя сейчас ночью выгнать на улицу, но, пожалуйста, завтра утром, когда поеду на работу, перебирайся к себе на Смоленскую. Наши отношения прекрасны только на расстоянии.

– Лара, это и моя квартира! Здесь жили твоя бабушка и твой отец!

– Мама, не надо патетики! Эта квартира ходила по рукам от одной семьи к другой. Я купила её на свои собственные деньги.

– А как же мои долги? – Елена Петровна умоляюще посмотрела на Лару. – Мне больше не у кого просить помощи.

– Сколько тебе нужно?

– Видишь ли, – Елена Петровна потёрла ладонями, недовольно взглянув на старый маникюр, Маркуша и я особенно не считали деньги. К тому же, Швейцария, ты же знаешь, как там всё дорого. Ещё я недавно подарила Марку новую гоночную машину, они дороже стоят, чем обычные. Но тут Елена Петровна заметила нетерпеливый почти рассерженный взгляд Лары и поняла, что эта преамбула ни к чему.

– И где же сейчас эта машина?

– Он на ней уехал.

– Мама! – Лара картинно схватила за голову, как будто собиралась рвать на себе волосы. – Чёрт возьми, что за наивность, что за глупость, как ты могла?! Сколько всего вместе?

– Ну, ещё кое-какие счета – всего где-то около полумиллиона евро, может, чуть больше.

– Ну почему, почему ты вечно попадаешь в подобные истории? Мама, чёрт возьми, то я тебя вытаскиваю из больницы, то отыскиваю твоих любовников на курортах с другими девицами, теперь я должна искать для тебя деньги. У меня нет такой суммы наличными, у меня вообще нет свободных денег.

– А твой бизнес? Ты же хорошо зарабатываешь.

– Мама, а ты думаешь, что мне тоже надо на что-то жить, платить зарплату сотрудникам?

– Да, но ты могла бы, к примеру, продать пару своих машин.

– Мама, я могу продать хоть все свои машины, но нужной суммы не наберу.

– Лара, меня в тюрьму посадят...

Лара посмотрела на мать, ей стало жалко её.

– Боже мой, мама, ну что мне делать. Ладно, оставайся ночевать, завтра что-нибудь попытаюсь придумать. Мы можем оплатить хотя бы половину?

– Не знаю. Я им уже это двадцать раз обещала – вряд ли они теперь будут так долго ждать. Я вообще с трудом выбралась в Россию, они не хотели меня выпускать, но я сказала, что у меня дочь умирает, мне нужно её навестить.

– Спасибо, мама, лучше этого придумать было нельзя.

– Должна же была я как-то выкрутиться. Лара... – Елена Петровна жалобно взглянула на дочь, но тут же отвела взгляд, поскольку знала, что собирается спросить дочь о невозможном. – А может, продать эту квартиру?

– Никогда!

Лара развернулась и ушла к себе в спальню.

Глава 10

Кофе в семье Рубик был настоящим ритуалом. Лара помнит его въедливый запах, распространяющийся по дому, цепляющийся за всё его уголки и застревающий между мебелью, проникающий в шкафы с одеждой и даже в коробку с голландским шоколадом, который папа привозил ей из командировок. Да, именно с исчезновением отца из жизни Лары и связан этот навязчивый запах кофе.

Елена Петровна всегда относилась к чаю с мещанской брезгливостью, пила его, садясь за стол с мужем, когда тот возвращался с работы или из очередной армейской командировки. Уж очень любил Юрий Борисович стол, покрытый белой узорчатой скатертью, хрустальные вазочки с домашней выпечкой и конфетами, салатницы, наполненные до краёв оливье и винегретом, но больше всего – чай. Горячий, обжигающий губы чай, пахнувший ароматным букетом трав: чабрецом, мятой, малиной. Елена Петровна всегда заваривала к приходу мужа большой чайник и ждала. Это было какое-то безоблачное, словно картинное счастье.

Но однажды вместо появления мужа в квартире раздался телефонный звонок. Лара из своих детских воспоминаний не помнит ничего, кроме резкого движения матери: вот она кладёт трубку, поворачивается, смотрит на дочь, играющую в углу, и одной рукой со всей силы кидает фарфоровый чайник в стену, который тут же разбивается вдребезги, ошпаривает стены и стул кипятком. В ту минуту Елена Петровна не соображала того, что делает, она ощущала только горячую обжигающую боль и гнев, это было какое-то машинальное движение, как крик о помощи, как злость на весь мир, на мужа, которого в одно мгновение не стало, на собственную жизнь.

И всё...

После этого Елена Петровна никогда не пила чай – только кофе и алкоголь. Другие виды напитков тоже не признавала: заставить её выпить сок или, того хуже, воду было невозможно.

Странно, но и у Лары закрепилось это недопонимание чая. Как его пить? А китайская и японская традиции – что-то там переливать, заваривать, ошпаривать... С чаем она была даже не на «вы». Она его просто не знала. Чай был персоной нон-грата в её доме.

И это понедельничное утро началось с чашки горячего кофе, которое Лара приготовила в кофеварке, не забыв сделать такой же для матери. Елена Петровна только просыпалась, когда Лара уже сидела в рабочей комнате, просматривала электронную почту и параллельно обдумывала, к кому она может обратиться за помощью.

Елена Петровна появилась в дверях комнаты в изящном шёлковом пеньюаре. Она посмотрела на Лару и, поняв, что та занята и не обращает на неё внимания, проговорила сонным голосом: «Нигде так хорошо не спится, как дома, Лар. С добрым утром! Работаешь уже?»

– Да, мам, дел очень много.

– Только восемь утра.

– Москва в понедельник просыпается рано.

– Лар, а кофе есть?

– На кухне ждёт тебя в подогреваемом кофейнике. В холодильнике йогурты и фрукты, колбаса, сыр, мюсли – в шкафу. Завтракай чем хочешь.

– Спасибо, дорогая. Какая ты заботливая. Я потом душ приму, ладно?

– Да, мам.

Елена Петровна отравилась на кухню, где начала греметь тарелками, чашками. Почему-то у неё ничего не находилось и не открывалось. Она несколько раз отвлекала Лару, просила помочь ей открыть то банку с сахаром, то варенье. В довершение всего Лара услышала, как мать включила на полную громкость телевизор на телеканале с утренним ток-шоу. Затем последо-

вали долгие приготовления к ванным процедурам, когда Елена Петровна то и дело спрашивала у Лары, есть ли у неё крем для тела, шампунь её любимого бренда, интересовалась, а что это за баночки на полках, «а можно ли это попробовать?». «Да, мам, бери что хочешь, – холодно ответила Лара, недовольная, что её отвлекают. Её раздражало не только то, что Елена Петровна приехала к ней среди ночи, свалила на неё финансовые проблемы, но ещё и то, что теперь, когда Лара пыталась их разрешить, мать позволяла себе беспокоить её по таким пустякам. Елена Петровна напоминала ей маленького ребёнка, который совершил серьёзный проступок и знает, что будет наказан, но, как многие дети, забывает об этом уже на следующий день и погружается в совершенно другие будничные проблемы и радости, а когда всё же приходит наказание, это становится для него полной неожиданностью.

Лара не любила в матери этого поверхностного отношения к жизни, беспечной лёгкости, словно проблемы должны были решаться сами собой. Она знала, что Елена Петровна привыкла перекладывать любые заботы на плечи других, но чаще это были её мужчины. И только в последние годы, когда количество мужчин вокруг матери стало сокращаться с невероятной скоростью, а с ними же стали медленно таять средства к существованию, она вспомнила о Ларе и начала её тормозить по самым разным вопросам. Лара, пусть не всегда довольная, но всё же помогала матери, успокаивая себя тем, что бывший муж оставил Елене Петровне дом в личное пользование и положил на счёт большую сумму денег, которую, если расходовать разумно, должно было хватить на всю оставшуюся жизнь.

Но что такое «разумно», Елена Петровна давно забыла. Она привыкла жить в роскоши, привыкла к дорогим вещам, экстравагантным покупкам, хорошему отдыху, привыкла не считать деньги и не заглядывать в графу «цена». И когда на неё свалилась такая неприятность, как «долги и погашение кредитов», Елена Петровна действительно не знала, что с этим делать. Единственную возможность к спасению нужно было искать у Лары.

Спустя два часа Елена Петровна вышла из ванны, благоухающая и довольная собой, и снова заглянула к Ларе. На Елене Петровне были темно-синие прямые брюки, элегантный твидовый жакет, по которым виднелся тонкий хлопковый джемпер. Её короткие белокурые волосы были завиты, а на лице сделан аккуратный макияж. И действительно, сложно было представить, что Елене Петровне давно минуло сорок пять и даже пятьдесят лет. Она выглядела молодо и свежо.

Стоя в дверях, Елена Петровна закурила.

– Ну как, Лар? Какие новости?

– Никаких, мам. Обзвонила своих знакомых – никто не может дать такую большую сумму: скоро Новый год, многим предстоят большие расходы.

– Что же делать?

– Буду продолжать звонить, мам.

– А я пойду посмотрю телевизор, дочка, – давно ничего русского не смотрела. Кстати, я выбросила несколько твоих флаконов, там совсем мало оставалось.

– О'кей, – вздохнула Лара.

Елена Петровна не заметила недовольства дочери, а та решила, что сейчас не стоит ругаться с матерью в очередной раз на ту же самую тему. Но как только Елена Петровна ушла в гостиную, Лара со злостью встала и пошла в ванную, где в мусорном ведре обнаружила две почти наполовину полных пластиковых бутылки с шампунем и гелем для душа. Лара поставила их обратно на полку, зная, что завтра мать снова отправит бутылки в мусорное ведро, присоединив к ним парочку других.

Выбрасывать наполовину использованные вещи, косметику, духи, есть только полбутерброда, выпивать полбокала вина, выкуривать половину сигареты было неизменной привычкой Елены Петровны. И если еда и напитки волновали Лару мало, хотя и здесь ей было неприятно обнаруживать надкусанные конфеты или печенье в вазочке со сладостями, то всё, что каса-

лось личных вещей, косметики, вызывало у неё раздражение и злость. Она понимала, что это не просто дурная привычка, а какая-то болезненная, извращённая форма психологического восприятия жизни, но не знала, что с этим поделать, как с этим бороться, как помочь Елене Петровне.

А мама ничего преступного и неприличного в этом не замечала. Такую привычку она приобрела ещё в детстве. В скудно отапливаемой комнате барака, где Лена жила с мамой, ничего целого, кроме двух раскладушек, не было. Всё остальное какое-то рваное, кусковое. Занималась Лена за маленьким столом, сделанном из двух сбитых деревянных ящиков и поставленной на них крышки. Единственный стул был весь поломанный, ножки приходилось связывать верёвками, чтобы не разваливались, а сиденье было подбито из соломы и сшитых лоскутков.

Скромный гардероб и немного белья Лариса Сергеевна хранила в маленьком чемоданчике, который ей достался от соседки – старой немки, отсидевшей срок в лагере и вышедшей на волю. Старушка доживала свои последние дни и раздавала скромные пожитки всем, кого любила и уважала. А Ларису Сергеевну она любила в первую очередь, так как та не раз лечила её в лагере и часто освобождала от непосильных работ, отправляла в больницу. Поэтому и отдала ей самое ценное из того, что было.

«Да куда мне? Вроде не уезжаем», – пыталась отказаться Лариса Сергеевна. «Уедешь, поверь мне», – сказала немка, поставила чемодан на пол и вышла. Так несколько лет маленький чемоданчик прослужил шкафом для мамы и дочери, а потом с ним уезжали в столицу. В него же Лариса Сергеевна складывала небольшие кусочки мыла, а то и вовсе обмылки. Она очень любила душистое, блестящее перламутровым блеском мыло и, хоть в Сибири такого не было, мечтала о нём, собирая остатки гостовского хозяйственного и хвойного.

И когда они с Леной вернулись в Москву, мыло стало болезненной любовью Ларисы Сергеевны – она покупала его повсюду, будто коллекционер. В узком коридоре московской квартиры рядом с дверью стояло низкое зеркальное трюмо с двумя ящиками, битком набитыми мылом: детское, «Тик-так», женское туалетное, в тёмно-синей упаковке, в белой с красивыми нежно-розовыми лепестками роз – каких только видов и сортов там не было. Стоило открыть дверцу, и тебя волной обдавал стойкий мыльный запах.

В небольшом уголке барачной комнаты рядом с узким окном стояла ещё одна сколоченная фанерная тумба, в которой хранилась еда. Но и там никогда не было ничего целого – какие-то объедки, огрызки, початая буханка хлеба, полбидона молока. Елена Петровна помнит, как, вернувшись в столицу, она покупала булку «московскую» и съедала её по дороге домой, смакуя и в то же время жалея, что нарушает её идеальную целостность. «Наешься от пуза, – говорила Елена Петровна, изредка вспоминая своё московское детство, – а такая тоска берёт. Думаешь: нет, надо было оставить половинку, вечером поесть. Стала откладывать, но хлеб засыхал, и приходилось выбрасывать, поэтому я больше ничего не храню никогда».

Этим же утром Константин Гринёв проснулся и посмотрел на часы. Было почти девять утра. Он потянулся и мечтательно подумал, что наконец-то сегодня вся его жизнь изменится. Ему предстояли пробы на роль в полнометражном фильме. Почти месяц прошёл с той встречи в клубе, когда Лара договорилась о пробах для Кости, но постоянно что-то срывалось: то режиссёр уехал отдыхать на две недели, то он был занят другими проектами, то Лара уехала в командировку. Костя сильно из-за этого не переживал, с лёгкостью находя чем заняться: вместо того, чтобы ехать в институт, звонил Фиолету и Даниилу, как и во время учёбы в «Шуке», договаривался о встрече в староарбатских кофейнях. Новый институт, преподаватели, студенты – всё его раздражало, он был только рад найти причины не ходить туда.

С Ларой он встречался несколько раз, но назвать эти встречи деловыми было нельзя. Они развлекались: ходили в ночные клубы, на всевозможные презентации, которыми кишит Москва, ужинали в ресторанах. Но вот недавно Лара позвонила и сообщила, что наконец-то договорилась о пробах для него.

Костя присел в кровати и посмотрел в окно. Затем встал, открыл форточку и закурил. Он сидел на постели и смотрел на часы. Ему нужно было выйти из дома через двадцать минут.

Костя прислушался. Поначалу ему показалось, что в квартире никого нет. Он вышел в коридор и прошёл на кухню, где совершенно неожиданно застал отца. Тот пил кофе и курил. Костя радостно подбежал к отцу, обнял его.

– Привет! Ты когда с гастролей вернулся?

– Привет, Костя, – ответил отец – мужчина лет сорока пяти, но на вид ещё очень молодой, с загорелой кожей. – Да вот только пару часов назад приехал. Ну как твои дела? Мать сказала, что ты познакомился с Ларой Рубик. Как твои успехи?

– Пока рано судить. Сегодня пойду на пробы.

– Здорово. – Отец был явно рад успехам сына. – А что за фильм?

Но в тот момент, когда Костя собрался рассказать отцу о фильме, о Ларе, о том, как наконец-то всё стало классно в его жизни, раздался звонок мобильного телефона отца. Он взглянул на экран, взял телефон и, сказав сыну «извини», ушёл к себе в спальню. И только там ответил.

Костя остался сидеть на стуле. Но любопытство взяло верх, и он прокрался на цыпочках к двери спальни и прислушался. Оттуда доносился смех отца: «Да, котёнок, скоро увидимся... Нет, я один. Сын дома, скоро уйдёт... Она... Не знаю, работает всю неделю... Нет я её не видел, только что приехал... Да, давай через пару часиков созвонимся, когда я буду ближе к тебе, пообедаем вместе... И я тебя целую... – Снова смех. – Конечно, я очень скучал... Пока...»

Костя быстро вернулся на кухню. Отец, направляясь в ванную, посмотрел на него.

– Ну ты как, уже уезжаешь?

– А что?

– Во сколько у тебя пробы-то?

– Да прям сейчас. – Костя вспыхнул. – Уже ушёл я.

– Ты что так нервничаешь? Переживаешь, что ли?

– Да. – Костя ушёл к себе в комнату и хлопнул дверью.

Там он сел на диван, посмотрел на разбросанные по полу вещи. Потом открыл ящик стола, достал все деньги, которые Лара дала ему ещё месяц назад. Из этой суммы за эти недели он почти ничего не потратил. Костя позвонил Даниилу и попросил за ним заехать.

Едва Лара положила трубку, получив очередной вежливый отказ, как зазвонил телефон.

– Алло.

– Привет, Ларочка, – сказал мужской голос. – Это Герман. А твой герой-то не приехал.

– Как не приехал?

– Мы его прождали до полдвенадцатого. Я почти два часа потерял. Он не позвонил, ничего не сказал. Может, конечно, с ним что-то случилось. Ты узнай. Но Лар... – Герман замолчал, раздумывая, говорить или нет, но всё же сказал. – Пожалуйста, в следующий раз давай серьёзнее. У меня всё срывается.

– Герман, прости ради Бога. Ты же знаешь, со мной такое редко бывает. Наверное, с ним что-то случилось. Я всё выясню. Тебе кого-нибудь прислать на замену? Я сейчас девочкам позвоню, они в базе данных поищут, кто у них с таким же типажом.

– Нет, Лара, спасибо. Я уже позвонил во ВГИК, мне Вадим должен пару своих студентов отправить.

– Хорошо. Прости ещё раз.

Лара положила трубку. «Где черти носят этого Гамлета? Где он?!» – зло прокричала она мысленно.

Лара набрала номер мобильного Кости. Вначале никто не ответил. Она позвонила снова.

– Костя! – Ларин голос звучал грубо и раздражённо. – Ты где? С тобой всё в порядке?

– Я? – еле ворочая языком, спросил Костя.

– Что ты себе позволяешь, чёрт тебя побери? Ты меня подставляешь перед людьми, с которыми я уже долго работаю. Говори, где ты!

– Я... э... Лара, у меня тут...

– Ты что, пьяный?

– Нет, Лара... – В это время Костя полулежал на диване, держа бутылку виски. – Я у друга на Новом Арбате завис.

– Я могу приехать?

– Приехать?

Лара услышала голоса, гомонившие, чтобы она непременно приезжала. Кто-то прокричал адрес.

– Я буду через двадцать минут.

Ларе открыл Фиолет. Церемонно раскланявшись перед ней, он протянул худую ладонь и сказал: «Позвольте представиться...» Оттолкнув его, Лара вошла в квартиру. Было сильно накурено, чувствовался запах гашиша. Костя сидел на голубом кожаном диване рядом с Даниилом, оба курили кальян и пили виски.

– Ларочка, – сказал Костя, – познакомься, это мои друзья – Даниил и Фиолет.

Лара подошла к Косте и влепила ему пощечину. От неожиданности друзья застыли на месте. «Это точно не Юля...» – прошептал Фиолет.

– Чтоб я тебя больше никогда не видела, понял? Можешь засунуть свой контракт куда хочешь. Какое тебе кино? Тебе лучше «дурь» покурить с друзьями и напиться, да?!

– Лара, – умоляюще произнёс Костя, – прости меня. Я подонок, я ничтожество. Я свинья.

Лара с презрением посмотрела на него.

– Почему ты туда не поехал, Костя? – В её голосе чувствовалась разочарование.

– Я проспал.

– Не ври.

– Хочешь правду, да? – закричал Костя. – А о том, что я бездарность, ты не думала? Мы тут все... – Костя посмотрел на своих друзей. – Нет, Данька, если не будет с нами прокуривать мозги, в натуре талантливый... – Язык у Кости заплетался. – Да, он мог бы... А я, Фиолет... Да мы кто... мы бездари. Ничего у нас не получится. Мы поколение «зеро».

– Эй-эй, ты полегче! – закричал Фиолет. – За себя говори. А про меня тут не распространяйся! Может, я к Ларе тоже пойду в агентство.

Лара обернулась и посмотрела на Фиолета. «Кто тебя возьмёт?» – говорил её взгляд.

– Костя... – Лара подошла к нему ближе. – Ты меня так подвёл.

– Прости меня, прости. – Костя поцеловал руки Лары. – Я не мог, я испугался.

– Больше так не делай. – Ларе стало жаль его. – Пойдём со мной, я отвезу тебя домой.

– А мама?

– Сейчас только день, твоя мама, наверное, на работе. Езжай домой, прими ванну, поспи. Прошу тебя.

Костя встал и, сказав друзьям «пока», ушёл вместе с Ларой.

На Кутузовском проспекте была пробка. Костя заснул.

Через некоторое время он проснулся и устался на Лару:

– Что я делаю у тебя в машине, Лара?

– Забыл уже? Укурился, дурак ты.

– Я знаю.

– Скажи, почему ты так поступаешь? Это же не первый раз.

– Да, не первый. Я не знаю, что со мной происходит, не знаю. Прости меня.

– Ладно, только я за тебя переживаю.

– Не переживай, всё будет «хор», – хихикнул Костя.

– Мальчик, – глаза Лары были грустными и в то же время добрыми, – ты же губишь себя. Что ты делаешь со своей жизнью? Пропить, прокурить всё можно. Потерять талант так легко, ты себе даже не представляешь. Твой отец, наверное, тебе тысячу раз это говорил.

– Мой отец... – усмехнулся Костя. – Как будто я так часто с ним общаюсь. У него много других интересов помимо семьи.

Лара молча посмотрела на него, раздумывая, спрашивать или нет.

– Гуляет?

– А как ты думаешь?

– Он артист, – печально произнесла Лара.

А Костя завёлся, услышав очередное клишированное оправдание. Хотя Лара и не собиралась оправдывать отца Кости, а озвучила только распространённое мнение людей.

– Артист! Что, не человек, что ли? Мать так из-за него мучается. Мне кажется, они скоро разведутся. Так ужасно дома. Он никогда там не бывает. На людях, да, они прекрасно держатся, всё идеально, а дома не разговаривают. Лара, меня это всё достало. Что, чёрт возьми, происходит в этом мире?

– Боишься?

– Чего?

– Стать таким же, как он. Ты же наверняка об этом думал.

– Думал. – Костя помолчал. – Скажи честно, разве это правильно?

Лара посмотрела в Костины глаза и улыбнулась.

– Честно? – Она сделала паузу. – Неправильно.

Что-то изменилось в её отношении к Косте. Она почувствовала какую-то близость к этому молодому человеку. В ней как будто проснулись материнские чувства, которых ей не суждено было испытать, вперемешку с влюблённостью. Желание смешалось с жалостью. А Костя чувствовал, как дыхание перехватило, и боялся сказать ей что-то не то. К глазам подступали слёзы, ему впервые по-настоящему хотелось заплакать, но он боялся показать Ларе свою слабость. Поэтому он всего лишь шмыгал носом, словно у него был насморк.

Лара отвезла Костю домой, поцеловала на прощание и пообещала, что позвонит завтра.

К вечеру Лара почти отчаялась найти деньги для матери.

Единственным человеком, который мог помочь, был Стас, но после той последней встречи звонить ему не хотелось.

Лара вернулась домой около девяти вечера. Её полупальто было распахнуто, волосы расчёпаны. Она была в балетках, а в руках держала туфли на высоких каблуках.

– Ну что, Ларочка, – спросила мама, улыбаясь, – удалось что-нибудь придумать?

– Ни хрена не удалось, мама. Посмотри на меня. – Лара развела руками. – Я вся как заезженная лошадь. Весь день каталась по городу. Эти чёртовы пробки. Я, блин, ничего не успеваю. Мне сегодня надо было договориться о новогодней вечеринке для нефтяной компании, так я никуда не успела. Занималась совершенно посторонними делами.

– Лара, как же быть со мной?

– Не знаю, мама.

– А может, ты у директора этой компании денег попросишь? У него их наверняка куры не клюют.

– Мама, ты что, с ума сошла? Как я могу попросить деньги у клиента? Это непрофессионально. Чёрт-те что – почему меня никто не понимает? Один напивается как свинья из-за

своей, видите ли, скромности и страха, остальные все такие занятые, а ты считаешь, что я тебе должна деньги достать за одну секунду.

– Лара, не спускай на меня всех собак, пожалуйста, – попросила Елена Петровна. Она понимала, что сейчас лучше с Ларой не спорить, но и позволять ей заводится тоже не надо.

– Извини, мам. Я так замоталась сегодня. – Лара присела на диван.

– Пойдём на кухню, выпьем коньяку, я уже и лимоны порезала.

– Пойдём. – Лара нехотя встала, всё ещё держа в руках туфли. Проходя по коридору, она кинула их в дальний угол возле двери.

– Кого ты сегодня вытаскивала пьяного?

– Да так, один мальчик. Новый клиент. – Лара выпила коньяк, закусив долькой лимона. – Должен был сегодня ехать на пробы, но не поехал, испугался. И вместо этого решил обкуриться и напиться как свинья с друзьями. Идиот!

– Так разорви с ним контракт.

– Я бы это сделала с другим, но с ним почему-то не могу.

– Он что, тебе нравится? Сколько ему лет?

– Девятнадцать. Не то чтобы нравится. Просто милый мальчик, какой-то запутанный. Не знаю, что с ним. Пытаюсь его понять – и не могу. Он ведь не бездарность, но такой странный.

– Я совершенно не понимаю современную молодёжь, особенно этих мальчиков. Они даже не стремятся выглядеть по-мужски. Посмотри на них, пол исчез, остались жалкие наброски.

– У них другие взгляды на жизнь.

– Хочешь сказать, им всё равно с кем и где.

– Нет, – Лара рассмеялась, – мода диктует свои правила. Влияние фэшн-индустрии огромно, никому не хочется быть белой вороной.

– И Костя такой же?

– И нет, и да...

– Лара, зачем он тебе нужен?

– Не знаю, мам, не знаю... – Лара задумалась над этим вопросом.

Они продолжали пить коньяк, почти не разговаривая, так как любая фраза заканчивалась вздохами Елены Петровны: «Как же быть, Лара?» Елена Петровна пыталась намекнуть дочери, что надо бы позвонить Стасу и тогда все их проблемы решатся моментально, но понимала, что дочь, в отличие от неё, на такое не пойдёт. Стас, по мнению Елены Петровны, был для Лары каким-то божеством, от которого она никогда ничего не требовала, а сама приносила ему жертвы.

Лара скрыла от матери, чтобы заранее её не обрадовать, да и самой не радоваться раньше времени, что до Нового года Стас обещал ей переслать контракт нового телевизионного проекта, сулившего хорошую прибыль. Все права на него в России должны были принадлежать Ларе, а это и проценты с гонораров артистов, и реклама, и прочее, прочее. Всё, что оставалось Ларе, – ждать. Ну в крайнем случае попросить Стаса отослать контракт раньше. Только вот делать этого совсем не хотелось, и Лара знала почему – ещё одна московская встреча, всё тот же «Националь»... и так далее по полочкам, что растянулось на четырнадцать лет. «Зачем всё это так долго тянется?» – спросила саму себя Лара, но никто ей не ответил.

Глава 11

Когда Лара и Елена Петровна сидели на кухне и пытались придумать, где же найти деньги, Рома в это же самое время находился у себя в офисе. Ему принесли недавно записанную плёнку с разговорами Лары. Прослушав её, он решил, что лучшего момента для начала своих действий просто нельзя придумать. Он набрал номер телефона Лёвы.

– Лев Александрович, да, я, Аристовский. Ну и как, удалось вам что-нибудь узнать?

– Да, Роман, я связался со своим приятелем, который иногда перебрасывает Ларе кое-какие заказы. Он мне сказал, что готовился совместный русско-американский проект, военное реалити-шоу. Для него-то это вообще рыбий корм, а Ларе сулил хорошую прибыль. Ну и я попросил его попрiderжать этот проект – точнее, отдать мне, конечно, не за «спасибо».

– Хм, а вы, Лёва, смотрю, за рублём в карман не полезете.

– За рублём нет, а вот несколько миллионов из чужого с удовольствием заберу.

– Так вы и из моего сегодня немало поимели.

– Как я понял, моя идея вам понравилась. Вы же знаете – ценные советы всегда дороги, да и на виски цена растёт.

– Пришлю вам завтра целую коробку с моим водителем.

– Благодарствую.

– Лёва, а вы мне не поможете выйти на этого вашего знакомого? Я бы хотел с ним лично встретиться.

– Вообще-то он живёт далеко, в Лос-Анджелесе, но в Москве часто бывает. Я могу дать его координаты, вы с ним свяжитесь. А как там у вас пойдёт, я не при делах.

– Отлично. Жду.

Аристовский смотрел в экран компьютера в ожидании, когда придёт новый е-мэйл. Получив нужный адрес, он быстро написал письмо с желанием сотрудничества и всего прочего и отправил его. Затем, прослушав снова голос Лары, решил позвонить.

Лара подняла трубку.

– Привет, красавица. Вот и я, твой Робин Гуд.

– Привет, Рома. Как дела?

– В чём дело? Такой грустный голос.

– Да нет, просто устала.

– Так поедem, отдохнём.

– В другой раз. Мы же договорились, что я тебе позвоню. Извини, у меня столько дел.

– Лара, ну какие дела сейчас? Уже вечер. Ты где, дома?

– Да.

– Давай я заеду за тобой через полчаса. Поедем в какой-нибудь хороший ресторан. Я купил новую машину – надо это отметить.

– Ну хорошо. – Лара решила, что сейчас она уже ничего сделать не может, а вот расслабиться и забыть обо всех проблемах было бы неплохо. – Буду тебя ждать. Ты помнишь, где я живу.

– Конечно, такое не забывается.

– Рома, хватит играть словами.

– Дорогая, я не играю. Жди меня.

– ... И я вернусь, – рассмеялась Лара и положила трубку.

Рома откинулся на спинку кресла. Он предпочитал играть в настоящие игры, а не в шарaды. Минут двадцать он посидел, обдумывая свою тактику, затем вышел из офиса, купил букет бордовых роз и отправился к Ларе.

Лара тем временем разговаривала с матерью. Та интересовалась, кто ей звонил.

– Так, один знакомый, – сказала Лара. – Познакомились в ресторане.

– Дочка, я-то думала, что у тебя проблемы, а ты, вижу, мужским вниманием не обделена.

А чем он занимается?

– Понятия не имею, я с ним ещё так близко не знакома. Знаю только, что его зовут Рома.

– Хорошее имя. А сколько лет?

– На вид лет тридцать пять.

– Женат?

– Кольца не видела, но ты же знаешь, что они все женаты в этом возрасте.

– Скорее всего женат, но гуляет.

– Мама, какая ты прозорливая. Откуда ты всё знаешь?

– Боже мой, дочка, – мне шестьдесят.

– Хорошо, что тебя никто не слышит. Кажется, последний раз ты с ужасом произносила:

«Мне сорок пять...»

– Да, но теперь я всем говорю, что мне сорок пять, и наслаждаюсь произнесённой фразой.

– А они – твоей натянутой кожей. – Лара засмеялась. Елена Петровна тоже попробовала рассмеяться, но это вышло у неё ненатурально: слова дочери её задели.

– Куда пригласил тебя твой Рома?

– Во-первых, не мой. А пригласил в ресторан отметить покупку машины. Я не поинтересовалась, куда именно.

– Машина – показатель финансовой стабильности.

– Мама, в Москве финансовая стабильность есть только у одного человека.

Елена Петровна вздохнула: Лара слишком категорично смотрела на вещи. Кроме того, Елена Петровна уж точно знала, что мужчин можно встречать по одежке. Богатые мужчины редко решаются не демонстрировать свои капиталы – в этом они ещё более экстравагантны, чем женщины. И в своей жизни Елена Петровна встречала миллионеров-отшельников, которые, имея огромные капиталы, довольствовались самым скромным, отправлялись за духовными поисками в Индию или Тибет. Но таких мужчин Елена Петровна даже не брала в расчёт. Зачем зарабатывать огромные деньги, если их не тратить, не кутить? Она искренно верила, что богатство создано исключительно для наслаждения. И если у мужчины есть деньги, он их должен тратить, особенно на женщин.

– Ларочка, а может, ты займёшь деньги у Ромы?

– Мама, ты с ума сошла, что ли? Я его увижу третий раз в жизни – и должна просить деньги? Как ты себе это представляешь? «Рома, привет, у тебя не найдётся полмиллиона евро? Я тебе потом отдам...» Так никто не делает.

– Может, он в тебя влюбился и с радостью поможет.

– Мама, ни один мужчина не может влюбиться настолько, чтоб одолжить понравившейся женщине такую сумму на первом свидании.

– Очаруй его.

– Не делай из меня проститутку.

– Лара, прости, я отчаялась.

– До конца недели ещё есть немного времени.

– Что это изменит?

– Мама, я приняла решение: возьму деньги со счёта компании, если другого варианта не будет.

Ларе было нелегко об этом думать, она не меньше Елены Петровны надеялась на чудо. Рисковать делами компании совершенно не хотела, но и отказать матери в помощи не могла. Много позже, вспоминая об этом, Лара иногда жалела, что не могла сказать «нет». Во всякой подобной ситуации она видела возможность доказать матери, что любит её. Ей хотелось услы-

шать от мамы не слова благодарности, хотя и на них Елена Петровна была не особенно щедра. Ей хотелось, чтобы мама задумалась о ней как о единственном родном человеке. Всю жизнь Лара жила с ощущением, что она обуза для матери. Что бы она ни делала – всё было плохо, всё не так. Если она была слишком тихой и помогала Елене Петровне по дому, это воспринималось как должное. А если шумела, играла, прыгала – Елена Петровна начинала жаловаться, что «у всех дети как дети, только у меня непоседа». Лара не понимала, откуда у матери было такое безразличие к ней. В детстве ей никогда не доставался ни вкусный кусочек, ни хорошая одежда. Когда умер отец и в жизни Елены Петровны один за другим стали появляться мужчины, мама выпроваживала Лару, куда могла. Маленькую – отводила в садик, договариваясь с нянечками, чтобы те взяли её к себе на сутки. А когда Лара подросла со спокойствием «сбагривала» её на все лето в пионерские лагеря, а осенью и зимой – к подружкам в гости с ночёвкой.

– Лара! – Мать подбежала и обняла дочь. – Лара, спасибо тебе большое. Только ты одна у меня и есть.

– Мама, оставь, – холодно ответила Лара. Вот вроде бы Елена Петровна и сказала то, что она давно мечтала услышать. Сказала – но действительно ли так думает или отчаяние подтолкнуло её к этим словам? Ларе показалось, что Елена Петровна не до конца осознает, чем рискует дочь, решив взять деньги из компании. И если бы осознавала, попыталась бы отговорить Лару от такого поступка?

Позвонил Роман и сообщил, что ждёт внизу. Лара вышла из подъезда, перед которым стоял чёрный джип. Дверь открылась.

– Привет, – сказала Лара и села в машину.

– Не холодно?

– Я же в машине.

– Да, тут тепло, но если будет холодно, я тебя согрею.

– Куда отправляемся?

– В «Токио».

– Не планировала сегодня так далеко, но что ж.

– Это недалеко отсюда.

– Дорогой, я знаю все рестораны, которые находятся на расстоянии двадцати минут езды от моего дома, – воспринимай мои шутки.

– Ах вот как?

– Да.

– Значит, я в пролёте?

– Нет.

Рома рассмеялся.

В зале было немногочленно – видимо, сегодня пресыщенная московская публика решила отдать предпочтение «Пушкину» или «Вертинскому». Что ж, интим! Вообще-то в планы Лары это не входило, но, с другой стороны, уединенная обстановка на первом свидании с новым знакомым – это неплохо. Главное, чтобы он не спросил: «Почему такой озабоченный вид?» Несмотря на заново сделанный макияж, лёгкое межсезонное в зигзаг платье, яркие разноцветные туфли и пальто, Лара чувствовала себя неуверенной. Пытаясь всякий раз скрыть свои проблемы за безупречным внешним видом, она понимала, что на самом деле – это всего лишь показная маска, которая редко помогает. Разве яркая внешность должна свидетельствовать, что у человека нет проблем? Но больше всего сейчас Лару волновало, как бы не проговориться об этом Роме. Она даже подумывала, сославшись на какое-нибудь неотложное дело, уехать,

но решила, что будет выглядеть полной дурой, поэтому отбросила подобную мысль, заказала бокал розового вина и завела с Ромой непринуждённый разговор:

– Чем ты занимаешься, Рома?

– Я? – Он посмотрел ей в глаза и нахально улыбнулся. – Пытаюсь тебя очаровать.

Лара усмехнулась.

– Тебе не кажется, что это почти удалось, раз уж я согласилась на свидание?

«А что тебе ещё оставалось делать, детка?» – подумал Роман, но, изобразив удивление, сказал:

– Это приятно слышать. Я бы сказал, даже неожиданно – такой откровенный ответ.

– Что в этом удивительного?

– Всё это время я видел тебя только с мужчинами, – сказал Роман, а про себя подумал, «с которыми ты не только ужинаешь...».

– По-моему, в этом нет ничего странного.

– Тебе, наверное, уже надоело мужское внимание? В твоей профессии часто общаешься с мужчинами.

– В принципе, да, но менять что-то я не хочу. Мне всегда легче работалось с мужчинами, чем с женщинами.

– Почему?

– Быстрее находим общий язык, мне гораздо легче понять, чего хочет мужчина.

– Гм... – Рома усмехнулся. – Неужели тебе так хорошо знаком наш брат?

– Я говорю с точки зрения бизнеса. У женщин часто есть ещё какие-то посторонние мотивы. Ко мне в агентство часто приходят девушки с просьбой заняться их раскруткой и прочее, а в итоге выясняется, что они просто хотят выгодно выйти замуж.

– А ты не хочешь?

– А ты не думаешь, что это немного грубо?

– Всё-таки мне интересно, чего хотят женщины.

– Посмотри одноимённый фильм с Мелом Гибсоном и поймёшь.

– Это где мужик мог слышать, о чём думают женщины?

– Да. Помнишь, чем закончилось?

– Он влюбился в эту тощую блондинку и ушёл из-за неё с работы.

– Так говоришь, будто он совершил ужасную ошибку.

– Кто из-за такой захочет остаться без работы?

– Видимо, тебе не по душе блондинки.

– Да нет, я вообще люблю женщин. Красивых женщин. Но разве любовь – повод бросать любимое дело?

– Нет, любовь должна помогать. Но у него же не было другого выбора.

– Выбор всегда есть. И то был фильм с рассчитанным на коммерческий успех хеппи-эндом. Разве в жизни так было бы?

– Я смотрю, ты тоже интересуешься продюсированием.

– Я в некотором роде близок к этой сфере.

– А чем ты занимаешься?

– Легализацией прав на прокат иностранных фильмов на территории России и СНГ.

– Как тесен мир! Это то, что я уже не смогла осуществить, хотя была задумка. Ты, наверное, знаешь Льва Штейна?

– Первый раз слышу.

– В общем-то мы с ним думали над этим. Он ещё в конце девяностых начал заниматься легальной продажей видео. Потом я предложила ему создать холдинг совместно с какой-нибудь американской студией, чтобы все их фильмы из США напрямую шли к нам, а мы уже здесь занимались их раскруткой, озвучиванием, прокатом в кинотеатрах, ну и, конечно, DVD.

Но Лёва сказал, что сюда слишком много вложений нужно, и не стал этим заниматься – якобы кого-то осенила такая же идея. Это был ты?

Рома на мгновение задумался: сказать правду или нет? Он понимал, что Лара могла сама догадаться, что Лёву он знает и через него «отбил» многие Ларины проекты, либо она могла спросить об этом напрямую у Лёвы, а этот паразит мог и проколоться, тем более что когда-то она была его любовницей. «Значит, Штейн прав, – подумал Рома. – С ней надо быстрее разделаться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.